

**Учредитель журнала — Ассоциация вузов Самарской области
«Самарский региональный научно-образовательный комплекс»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Г.П. Котельников, академик РАН, д-р мед. наук, профессор (Россия, Самара)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

(серия Философские науки)

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор (Россия, Самара)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т.В. Борисова, д-р филос. наук,
профессор (Россия, Самара)

Е.Я. Бурлина, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

С.В. Занин, д-р ист. наук, профессор
(Россия, Самара)

Л.Г. Иливицкая, канд. филос. наук, доцент
(Россия, Самара)

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

В.И. Ионесов, д-р культурологии
(Россия, Самара)

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доцент
(Россия, Самара)

С.В. Соловьёва, д-р филос. наук, доцент
(Россия, Самара)

Р.И. Таллер, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

Е.Ю. Шиллинг, доктор философии,
профессор (Германия, Гёттинген)

Ответственный секретарь

Ю.С. Пышкина, канд. мед. наук, доцент (Россия, Самара)

Ответственные редакторы номера

Ю.С. Пышкина, канд. мед. наук, доцент (Россия, Самара)

Н.Ю. Кувшинова, канд. психол. наук, доцент (Россия, Самара)

Редактор английского текста

С.С. Барбашева, канд. пед. наук, доцент (Россия, Самара)

Свидетельство Роскомнадзора
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-13193 от 10.07.2002 г.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий для публикации основных научных результатов
диссертаций на соискание ученой степени кандидата
и доктора наук по философским наукам по следующим
группам специальностей научных работников:

09.00.00 — Философские науки

09.00.01 — Онтология и теория познания

09.00.08 — Философия науки и техники

09.00.11 — Социальная философия

09.00.13 — Философская антропология, философия
культуры

Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования: www.elibrary.ru

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России»: 42023

Адрес редакции: 443099, Россия, г. Самара,
ул. Чапаевская, 89. Тел.: +7(846)333-30-86.
E-mail: aspvestnik@list.ru, aspirantura_samgmu@mail.ru

Адрес сайта в сети «Интернет»: www.aspvestnik.com

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Оригинал-макет изготовлен ООО «Эко-Вектор Ай-Пи».

Подписано в печать 30.12.20. Формат 60×90^{1/8}. Усл. печ. л. 7,5.
Тираж 250 экз. Печать офсетная. Заказ № 1-2475-IV

Отпечатано в Типография Михаила Фурсова.

196105, г. Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 69,
тел.: (812) 646-33-77, e-mail: lv@express-reklama.ru

**Founder of the journal is the Association of Higher Education Institutions of Samara Region
"Samara Regional Academic Organization"**

EDITOR-IN-CHIEF

G.P. Kotelnikov, RAS Academician, Doctor of Medical Sciences, Professor (Russia, Samara)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF**(Philosophic Sciences)**

V.A. Konev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Samara)

EDITORIAL BOARD

T.V. Borisova, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

E.Ya. Burlina, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

S.V. Zanin, Doctor of Historical Sciences, Professor
(Russia, Samara)

L.G. Ilivitskaja, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor (Russia, Samara)

V.A. Konev, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

V.I. Ionesov, Doctor of Culturology
(Russia, Samara)

A.Yu. Nesterov, Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor (Russia, Samara)

S.V. Solovjeva, Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor (Russia, Samara)

R.I. Taller, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

E.Yu. Shilling, Doctor of Philosophy, Professor
(Germany, Hettingen)

Executive Secretary

Yu.S. Pyshkina, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

Executive editor

Yu.S. Pyshkina, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)
N.Yu. Kuvshinova, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

Editor of English text

S.S. Barbasheva, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

Certificate of Federal Service
for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
PI № FS 77-13193 dated 10.07.2002

Higher Attestation Commission includes the journal
in the list of peer-reviewed journals recommended
for the publications of the findings of candidate
and doctoral thesis in Philosophy on the specialties of:

09.00.00 Philosophic Sciences

09.00.01 Ontology and theory of knowledge

09.00.08 Philosophy of science and technology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.13 Philosophical anthropology, cultural philosophy

The journal is included in the Russian Science
Citation Index: www.elibrary.ru

Index of publication in the Union Catalogue
"Press of Russia" 42023

Address of redaction:

89 Chapaevskaya st., Samara, Russia, 443099

Tel.: +7(846)3333086

E-mail: aspvestnik@list.ru,
[aspirantura_samgmu@mail](mailto:aspirantura_samgmu@mail.ru)

Website URL: www.aspvestnik.com

The opinion of the editorial board may not coincide
with the opinion of the authors

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Онтология и теория познания (09.00.01)

Т.В. Борисова, Е.П. Измайлов

Индекс биологического возраста человека в ситуации экзистенциальной неопределённости в условиях хирургического стационара 5

О.В. Герасимов

Трансформация исторического дискурса и проблема времени 9

Социальная философия (09.00.11)

Е.В. Листвина

Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа 14

И.В. Степанов

Методологические и социально-философские аспекты номадологии: критический взгляд через призму философии обыденного языка 19

А.Ю. Черепанов

Война — явление социальное 26

Философская антропология, философия культуры (09.00.13)

Т.В. Бернюкевич

Техника в культуре: воплощение божественного и преобразование природного (Н.Ф. Фёдоров, П.А. Флоренский, Ф. Дессауэр) 31

Н.С. Кузьменко

Джихад: от слова к культурной универсалии 37

PHILOSOPHIC SCIENCES

Ontology and theory of knowledge (09.00.01)

T.V. Borisova, E.P. Izmailov

Human biological age index in a situation of existential uncertainty in the conditions of a surgical department 5

O.V. Gerasimov

Transformation of historical discourse and the problem of time 9

Social philosophy (09.00.11)

E.V. Listvina

Digital society: A sociocultural analysis of the digital footprint 14

I.V. Stepanov

Methodological and socio-philosophical aspects of nomadology: A critical view through the prism of the philosophy of everyday language 19

A.Yu. Cherepanov

War is a social phenomenon 26

Philosophical anthropology, cultural philosophy (09.00.13)

T.V. Bernyukevich

Technology in culture: Embodiment of the divine and transformation of the natural (N.F. Fedorov, P.A. Florensky, F. Dessauer) 31

N.S. Kuzmenko

Jihad: From the word to the cultural universal 37

<i>В.Б. Малышев</i>		<i>V.B. Malyshev</i>	
Танец языка: изначальные модальности культуры в свете теории метафоры	44	Dance of the language: Primordial cultural modalities in the light of metaphor theory	44
<i>Е.Н. Суровцев, Ю.С. Пышкина</i>		<i>E.N. Surovtsev, Yu.S. Pyshkina</i>	
Антропологическая система Григория Нисского в контексте постнеклассической картины мира	49	Anthropological system of Gregory of Nyssa in the context of the post-non-classical picture of the world	49
Правила для авторов	55	Instructions for authors	55

ИНДЕКС БИОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В УСЛОВИЯХ ХИРУРГИЧЕСКОГО СТАЦИОНАРА

Т.В. Борисова¹, Е.П. Измайлов²

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный технический университет», Самара;

² Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Самара

Для цитирования: Борисова Т.В., Измайлов Е.П. Индекс биологического возраста человека в ситуации экзистенциальной неопределённости в условиях хирургического стационара // *Аспирантский вестник Поволжья*. – 2020. – № 7–8. – С. 5–8. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.5-8>

Поступила: 02.11.2020

Одобрена: 16.11.2020

Принята: 27.11.2020

▪ В междисциплинарном аспекте исследуется влияние биологических и ментальных характеристик возраста на поведение и адаптацию человека, находящегося в условиях хирургического стационара. Исследование показало динамику изменения отношения к своему возрасту в течение суток у мужчин и женщин в зависимости от конкретных хирургических заболеваний, с помощью разработанной авторами оригинальной методики [Патент РФ № 2592358, от 29.06.2016]. Впервые определён индекс биологического возраста у больных, находящихся в хирургическом стационаре. В статье, наряду с медицинскими основаниями, освещается роль философии в анализе поведения человека, находящегося в экстремальной ситуации.

▪ **Ключевые слова:** междисциплинарный подход; биологический возраст; индекс биологического возраста; адаптация; экзистенциальная неопределённость.

HUMAN BIOLOGICAL AGE INDEX IN A SITUATION OF EXISTENTIAL UNCERTAINTY IN THE CONDITIONS OF A SURGICAL DEPARTMENT

T.V. Borisova¹, E.P. Izmailov²

¹ Samara State Technical University, Samara, Russia;

² Samara State Medical University, Samara, Russia

For citation: Borisova TV, Izmailov EP. Human biological age index in a situation of existential uncertainty in the conditions of a surgical department. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(7-8):5–8. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.5-8>

Received: 02.11.2020

Revised: 16.11.2020

Accepted: 27.11.2020

▪ The influence of biological and mental characteristics of age on the personal behavior and adaptation in a surgical department is investigated in a multidisciplinary aspect. The study presented the dynamics of change in attitude towards their age during the day for men and women, depending on specific surgical diseases using the original technique developed by the authors [Russia's Patent No. 2592358, dated 29.06.2016]. For the first time an index of biological patient's age in a surgical hospital was determined. Along with medical grounds the article highlights the role of philosophy in analyzing the behavior of a person in an extreme situation.

▪ **Keywords:** cross-disciplinary approach; biological age; index of biological age; adaptation; existential uncertainty.

Актуальность

Известно, что биологическое время, включённое в ткани живого организма, перестаёт выступать в качестве функционала неорганического мира. Биологическое время становится феноменом жизненных процессов, в рамках которого осуществляется и продлевается бытие.

Время же социального бытия проявляется через культурные смыслы, посредством которых осуществляются действия и поступки человека. Другими словами, биологическое время человека фиксирует границы его природного цикла, чётко демаркируя при этом параметры физической жизни и смерти, а социальное время человека — это горизонты его культуры, которая демонстрирует возможности жизни и смерти.

Выскажем предположение, что «метафизическая встреча» биологического и социального времени в жизни человека артикулирована его возрастом, феномен которого всё больше становится полем междисциплинарных исследований. Будучи многогранным феноменом, «...возраст человека является исследовательской категорией междисциплинарной направленности, позволяющей выступить в философии экзистенциальным маркером телесно-смысловых ресурсов человека, которые он способен самостоятельно и ответственно реализовать. Параметры мобилизационных усилий человека многоплановы. В качестве таковых можно обозначить следующие: физиологические характеристики человека, которые фиксирует медицина; собственное отношение человека к своему здоровью и телу, которое показывает уровень его самооценки; отношение человека к миру в аспекте ценностных установок и мировоззренческих позиций» [3, с. 1002].

В целом исследование разноплановых маркеров биологического возраста выводит учёных не только на анализ физиологических характеристик человека. Главное — выяснить многоуровневую ранжировку отношений человека к своей физиологии. Это возможно осуществить посредством маркировки ментальных ситуаций экзистенциальной недостаточности, фиксирующих способы отношений человека к жизни и самому себе. Отметим, что не только решение поставленной исследовательской задачи, но и практическая целесообразность формирует междисциплинарное поле союза философии и медицины.

В рамках сказанного становится актуальным анализ проявления биологического возраста в экстремальных ситуациях или, как бы

сказал философ — в ситуации «экзистенциальной недостаточности». Поясним, что экзистенциальная недостаточность — это состояние, в котором человек старается осмыслить факты своего существования в экстремальной среде или пограничной ситуации. Таким образом, феномен экзистенциальной недостаточности проявляется в бытийной неопределённости. Эта неопределённость порождает «феномен отсутствия», который включает отсутствие пространственных передвижений, свободы, надежды и других ситуаций экзистенциальной недостаточности, значимых для человека.

Наглядно феномен отсутствия проявляется в ситуации больничной среды. В этой среде отношение больного к своему возрасту может как положительно или отрицательно повлиять на развитие самой болезни, так и на способность успешной адаптации к больничным условиям. Высказанную позицию подтвердим примером из практики хирургического стационара районной больницы.

Цель исследования — изучить влияние острых хирургических заболеваний на биологический возраст человека и его индекс — динамику изменения в течение суток у мужчин и у женщин.

Материал и методы

Были изучены результаты определения биологического возраста человека у 25 мужчин и у 25 женщин, находившихся на лечении в хирургическом отделении Кинельской центральной районной больницы Самарской области с различной хирургической патологией. Возраст мужчин, составил в среднем $41,94 \pm 9,4$ года, женщин — $46,56 \pm 8,81$ года. Измерение проведено в течение суток — до 12 ч, и после 18 ч у одних и тех же больных. Биологический возраст человека определяли способом экспертных оценок семь независимых экспертов женщин и семь независимых экспертов мужчин. Затем определяли среднее значение сумм паспортного возраста человека, возраста самооценки и возрастов независимых экспертов женщин и мужчин, обработанных методом «ДЕЛЬФА», что и определило биологический возраст человека [2].

Результаты исследований представлены в таблице. По динамике дневного и вечернего измерения биологического возраста человека был определён индекс биологического возраста. Полученные результаты исследования были обработаны методом математической статистики.

Параметры биологического возраста человека у стационарных больных с острой хирургической патологией**Parameters of the biological age of a person in patients with acute surgical pathology**

Нозология заболеваний	Пол больных				Всего больных
	Мужчины, возраст в годах		Женщины, возраст в годах		
	До 12 ч	После 18 ч	До 12 ч	После 18 ч	
Острый холецистит	55,33 ± 4,53	51 ± 5,07	46 ± 2,22	48,33 ± 1,67	10
Острый панкреатит	46,33 ± 4,64	49,57 ± 4,01	49,67 ± 3,88	51 ± 3,98	10
Острый аппендицит	27,66 ± 10,66	34,33 ± 11,48	28,33 ± 9,37	31,33 ± 10,08	10
Острые нагноительные заболевания кожи и подкожной клетчатки	47 ± 9,84	51 ± 10,31	47,89 ± 9,1	51,33 ± 9,04	10
Травматологические больные	47,67 ± 8,79	49,67 ± 9,34	48,89 ± 8,56	53,33 ± 8,58	10
Итого	42,21 ± 8,79	45,67 ± 9,13	45,05 ± 8,57	46,61 ± 8,82	50

При анализе полученных результатов определено, что у мужчин средний возраст при его измерении до 12 ч составил $42,21 \pm 8,79$ года, а у женщин — $45,05 \pm 8,57$ года. При измерении биологического возраста после 18 ч средний возраст составил у мужчин $45,05 \pm 8,57$ года, а у женщин — $46,61 \pm 8,82$ года. Разность в изменениях у мужчин составила 2,84 года, а у женщин — 0,94 года. Таким образом, в течение суток у мужчин возраст менялся в более значительной степени, чем у женщин. Соответственно динамика биологического возраста у мужчин в течение суток составила 93,69 %, а у женщин — 97,98 %.

Обсуждение

Стрессовая ситуация для организма влияет как на общее состояние организма человека, так и на его внешний вид и биологический возраст. Полученные результаты показали неравномерность изменения индекса биологического возраста человека у мужчин и женщин. У мужчин биологический возраст изменялся в большей степени, чем у женщин. Женщины уделяют больше внимание своей внешности, поэтому адаптация к больничному пространству у них проходит быстрее. Подобная адаптация является характерной особенностью женского поведения в любой стрессовой ситуации, что способствует некоторому «омоложению» биологического возраста женщин даже в стационарных условиях хирургического отделения. Результаты показали, что буквально при всех острых хирургических состояниях прослеживается подобная тенденция. Проведенное исследование показало, что

на человека в состоянии болезни острыми хирургическими заболеваниями оказывают влияние как сами заболевания, так и общая больничная атмосфера. Одним из универсальных индикаторных показателей такого влияния является измерение биологического возраста человека и его динамического изменения в течение суток, то есть измерение индекса биологического возраста человека. Именно динамика биологического возраста и индекс биологического возраста человека наиболее точно отражают его состояние и адаптационные способности.

Гуманитарный аспект адаптации больного предлагается решать в ракурсе налаживания эффективного диалога между пациентом и врачом, в рамках которого больной включается в процесс обсуждения с врачом истории его болезни, выявления симптомов заболевания и применения лечебно-диагностических воздействий. Эта ситуация определяет индекс оптимизма и пессимизма человека, что влияет как на его самоощущение в целом, так и на временные маркеры возраста.

Другими возрастными параметрами в рамках социофилософского подхода являются концепты: «возможность», «становление», «проектирование», «различение», «неопределённость» [1, с. 33, 34]. Их генезис обусловлен ситуацией человека в современной культуре, которая перестроилась в своих мировоззренческих ориентирах с вечного, единого, всеобщего на приватное, личностное, открытое опыту переживания. В рамках предложенного подхода на первое место выступают ментальные характеристики человека, которые находятся в присутствии «размерного бытия

больничного пространства». Поэтому смысловая корреляция 20-летнего, 40-летнего человека к миру, мужчины или женщины, его (её) представленности — присутствия в различных модусах повседневного опыта существования могут иметь различия и в силу этого составлять исследовательский интерес для учёного.

В целом, с точки зрения философии, метод экспертных оценок [2] — это инструмент, позволяющий проанализировать разнообразные показатели соотносённости человека с миром, с самим собой и «Другим» как явлением влияния, становления, возможности и различия.

Таким образом, проведённое исследование и выявленные закономерности позволяют продолжить изучение разных групп людей с определёнными качествами в окружающей среде с заданными параметрами. При этом результаты измерения индекса биологического возраста человека позволяют точно определить степень адаптации человека к окружающей среде. Важную роль в процессе адаптации играют ментальные проявления человека, которые позволяют смягчить ситуацию экзистенциальной недостаточности, в которой первостепенное значение отводится диалогу врача и пациента.

Выводы

1. Биологический возраст человека — сложный феномен, в котором соединяются физиологические и ментальные характеристики человека, позволяющий смягчить ситуацию неопределённости.
2. При измерении биологического возраста после 12 ч средний возраст составил у мужчин $45,05 \pm 8,57$ года, а у женщин — $46,61 \pm 8,82$ года. Разность в изменениях у мужчин составила 2,84 года, а у женщин — 0,94 года.

■ Информация об авторах

Татьяна Вадимовна Борисова — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: borisovaTVa@yandex.ru.

Евгений Петрович Измайлов — доктор медицинских наук, доцент кафедры анестезиологии, реаниматологии и СМП ИПО. ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России, Самара. E-mail: izm_63@mail.ru.

3. Динамика биологического возраста у мужчин в течение суток составила 93,69 %, а у женщин — 97,98 %.
4. Определение индекса биологического возраста человека позволяет определить возможности адаптации человека к стрессовым окружающим условиям и к своему болезненному состоянию.
5. Индекс биологического возраста человека определяется адаптационными возможностями мужчин и женщин к общей ситуации всего больничного пространства.

Литература

1. Лишаев С.А. Философия возраста в пространстве экзистенциальной аналитики: экзистенциальная аналитика и региональная онтология // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2015. — № 1 (17). — С. 33–42. [Lishaev SA. Philosophy of age in the space of existential analytics: existential analytics and regional ontology. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya"*. 2015;1(17):33–42. (In Russ.)]
2. Патент РФ № 2592358/29.06.2016. Измайлов Е.П., Борисова Т.В., Медведев С.Н. Способ определения биологического возраста человека методом экспертных оценок. Режим доступа: <http://www.freepatent.ru/patents/2592358>. [Patent Rus No. 2592358/29.06.2016. Izmailov EP, Borisova TV, Medvedev SN. *Sposob opredeleniya biologicheskogo vozrasta cheloveka metodom ekspertnyh ocenok*. Available from: <http://www.freepatent.ru/patents/2592358>. (In Russ.)]
3. Петинова М.А., Борисова Т.В. Возраст как маркер времени: экспликация подходов в медицине и философии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2015. — Т. 17. — № 5–3. — С. 1001–1003. [Petinova MA, Borisova TV. Age as a time marker: explication approaches in medicine and philosophy. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015;17(5–3):1001–1003. (In Russ.)]

■ Information about the authors

Tatiana V. Borisova — Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy and Social Sciences and Humanities. Samara State Technical University, Samara, Russia. E-mail: borisovaTVa@yandex.ru.

Eugenyi P. Izmailov — Doctor of Medicine, Associate Professor, Head of the Postgraduate Department of Anesthesiology, Reanimatology and SMP IPO. Samara State Medical University, Samara, Russia. E-mail: izm_63@mail.ru.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ

О.В. Герасимов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный университет путей сообщения», Самара

Для цитирования: Герасимов О.В. Трансформация исторического дискурса и проблема времени // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7–8. – С. 9–13. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.9-13>

Поступила: 20.10.2020

Одобрена: 05.11.2020

Принята: 15.12.2020

▪ Статья посвящена анализу трансформации исторического дискурса в современном историописании и её взаимосвязи с проблемой исторического времени. Показано, что со второй половины XX в. репрезентация прошлого постепенно смещается от научной историографии, как она сформировалась в XIX столетии, к исследованиям памяти. В отличие от дистанцирования от прошлого, свойственного исторической науке, исторической памяти присущи эмоциональная и экзистенциальная напряжённость, вовлечённость прошлого в настоящее. Это стало возможным не только вследствие трагических событий XX в., но и в силу изменений темпорального режима современного общества. Линейное восприятие времени, характерное для человека Нового времени, уступает место «постисторическому» времени, отличающемуся нелинейностью и обратимостью, что и позволяет актуализировать прошлое с помощью мемориальной политики. Изменение восприятия исторического времени порождает изменения в восприятии прошлого и, как следствие, ведёт к трансформации исторического дискурса.

▪ **Ключевые слова:** исторический дискурс; историческая память; историческое время; мемориальная политика; мемориальные войны; историописание; историография.

TRANSFORMATION OF HISTORICAL DISCOURSE AND THE PROBLEM OF TIME

O.V. Gerasimov

Samara State Transport University, Samara, Russia

For citation: Gerasimov O.V. Transformation of historical discourse and the problem of time. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhya*. 2020;(7-8):9–13. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.9-13>

Received: 20.10.2020

Revised: 05.11.2020

Accepted: 15.12.2020

▪ The article is devoted to the analysis of the transformation of historical discourse in modern writing of history and its relationship with the problem of historical time. The author shows that since the second half of the 20th century, the representation of the past has been gradually shifting from scientific historiography, as it was formed in the 19th century, to the memory studies. Unlike distancing from the past inherent in historical science, historical memory is characterized by emotional and existential tension, the involvement of the past in the present. This became possible not only as a result of the tragic events of the 20th century, but also due to changes in the temporal regime of modern society. The linear perception of time, peculiar to a modern man, is giving way to “post-historical” time characterized by non-linearity and reversibility, which makes it possible to actualize the past with the help of memorial policy. A change in the historical time perception gives rise to changes in the perception of the past and, as a result, leads to a transformation of historical discourse.

▪ **Keywords:** historical discourse, historical memory, historical time, memorial policy, memorial wars, writing of history, historiography.

История как образ прошлого, присущий тому или иному социуму, в своём развитии от «рождения» до настоящего времени прошла различные стадии и приобретала различные институциональные формы. Сложившаяся в XIX столетии «классическая» модель репрезентации прошлого представляла собой, прежде всего, научный дискурс, в рамках которого историк пишет историю, по словам Леопольда фон Ранке, так, «как всё было на самом деле». Неклассическая философия истории XX в. внесла существенные коррективы в достаточно наивные представления Ранке и других представителей исторической науки, но, тем не менее, общий пафос историографии и её нацеленность на реконструкцию прошлого сохранялся и позднее. Однако в историческом сознании со второй половины XX в. начались существенные трансформации, продолжающиеся по сей день. Французский исследователь Пьер Нора пишет: «Мы живём в эпоху всемирного торжества памяти. В последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому» [5]. Новая волна изменений форм и способов исторической репрезентации происходит в последние годы, обращение к исторической памяти усиливается в таких странах, как Россия [6] и США. Трансформация исторического дискурса и его смещение от историографии к памяти — это не просто изменение формы репрезентации прошлого, она затрагивает гораздо более глубокие аспекты взаимоотношения социума и его истории, включая изменения в восприятии исторического времени. В свою очередь, процессы изменения социальной жизни современного человека оказывают не меньшее воздействие на восприятие времени, о чём в последнее время писали такие исследователи, как Герман Люббе [3], Алейда Ассман [1], М.Б. Ямпольский [9].

В настоящей статье анализируется взаимосвязь трансформации исторического дискурса от историографии к исторической памяти в контексте изменений в восприятии прошлого, характерных для исторического сознания современности и, прежде всего, в горизонте изменения восприятия времени. На наш взгляд, именно новые формы исторического времени, обнаруживаемые в сознании современного человека и отмеченные в упомянутых выше исследованиях Люббе и Ямпольского, выступают необходимой предпосылкой нового отношения к исторической памяти, которую демонстрируют события последних лет. Нет никакого сомнения в том, что историческая

и мемориальная политики существуют достаточно давно, но именно в последние десятилетия они оказываются на переднем крае того, что, используя слова Люсьена Февра, можно назвать «боями за историю».

Прежде всего следует отметить, что историческая память не тождественна воспоминаниям о прошлом, которыми обладают люди или социальные группы, пережившие непосредственно те или иные события. Напротив, говоря словами Мориса Хальбвакса, она выступает «социальными рамками» памяти индивидов и социальных групп [7], своего рода матрицей, на которую последние накладывают свои личные воспоминания (при этом нередко случается их подмена). Выступая в качестве существенного компонента социальной памяти общества, историческая память в то же время не может быть отождествлена и с ней, поскольку социальная память включает в себя неотрефлексированные социальные практики, порождённые опытом социальной жизни в прошлом. Историческая память, напротив, характеризуется институциональностью, нередко закрепляемой с помощью правовых инструментов. Историческая память выступает продуктом исторической политики, целью которой является стремление элитных и контрэлитных групп легитимизировать своё положение и сформировать образ прошлого, который, с их точки зрения, наилучшим образом подходит для целей государственного строительства и формирования национальной идентичности. В силу этого «войны памяти», «мемориальные войны» становятся привычным ландшафтом внешней и внутренней политики современных государств. Примером первого могут служить «войны памяти» на постсоветском пространстве, примером второго — события вокруг памятников и трактовки истории Гражданской войны в США. На наших глазах кардинально меняется отношение общества к собственному прошлому, которое перестаёт быть чем-то безвозвратно ушедшим, но которое теперь вновь и вновь актуализируется как неотъемлемая часть настоящего, социальной жизни «здесь и сейчас». Каковы истоки и причины такой трансформации?

Происхождение того чувства истории, которое определяло отношение к прошлому новоевропейского человека, уходит своими корнями в христианскую эсхатологию. Библийское происхождение идеи истории объясняет всю специфику истории эпохи античности, выраженной в таких институциональных формах, как анналы, свидетельства участников событий (Ксенофонт) и морализи-

рующие жизнеописания (Плутарх, Светоний). Античная историография и биография носят, скорее, характер политической, а не исторической репрезентации. Оценивая достоинства исторических сочинений Фукидида, О.Г. Шпенглер пишет, что основанием их выступает «*практический опыт* (курсив автора — О.Г. Шпенглера), который, к сожалению, путают с чувством исторического... Что, однако, осталось для него всецело недоступным — это тот наделённый перспективой взгляд на историю столетий, который ... понятие историка должно включать в себя как нечто само собой разумеющееся. Все славные творения в жанре античного исторического повествования ограничиваются политической современностью автора...» [8, с. 20–21]. С известными оговорками мы вынуждены согласиться с доводами Шпенглера, и только, пожалуй, Полибий до известной степени отличается от прочих историков античности и приближается к телеологическому взгляду на происходящее, что является необходимой предпосылкой появления Истории. Христианская историософия, хотя и размывает круг времени, выстраивая его линейную направленность, всё же говорит преимущественно о делах небесных, о вечных смыслах, в противовес временности пребывания человека в земной жизни. Однако процессы секуляризации эсхатологического сознания христианства, перенесение акцента с дел небесных на дела земные порождают исторический образ истории как устремлённости в то или иное «светлое» будущее, будь то «цивилизация» Просвещения, правовое государство Гегеля или коммунизм Маркса. Прогресс и инновации становятся оборотной стороной подобного отношения к прошлому. На этих основаниях и выстраивается исторический дискурс XIX–XX столетий, подразумевающий историю как ушедшее прошлое, которое подлежит реконструкции в целях научного познания как самого прошлого, так и современного человека как его продукта, в целях самопознания социума ради его будущего. Предполагается, что прошлое должно служить нам образцом и уроком того, как надо и как не надо это будущее выстраивать. Первые проявления кризиса подобной модели репрезентации прошлого М. Ямпольский обнаруживает в философии Фридриха Ницше, в его идее «вечного возвращения» [9, с. 9]. Постановка Ницше проблемы о «пользе и вреде» истории для общества и общественного развития была, без сомнения, революционной для своего времени [4]. Сегодня, однако, мы видим, что всё большее число исследователей обоснованно ставят под сомнение то, что

история позволяет нам извлекать из неё уроки, которые могли бы помочь нам избежать ранее совершённых ошибок в настоящем и будущем [11, с. 132]. Это наглядно показывает нам, что линейность исторического времени, характерная для исторического сознания Нового времени, уступает место новому темпоральному режиму, в котором время утрачивает свою линейность и необратимость. Таким образом, изменение восприятия времени современным человеком создаёт благоприятные возможности для распространения исторической памяти и *memory studies* как доминирующего способа репрезентации прошлого. Сдвиг от истории к памяти, характеризующий особенности развития исторического сознания послевоенной эпохи, был не только следствием исторических травм, связанных с событиями Второй мировой войны, вследствие чего и возник запрос на недвусмысленную морально-этическую и правовую оценку этих событий (например, Холокоста). В значительной степени это имеет своё основание в общих особенностях развития западной цивилизации во второй половине XX в., проявившихся в ускорении прогресса техники и технологий, высоких темпах социальных изменений. Арнольд Гелен в 1952 г. вводит понятие «постистории» [9, с. 12]. «Постисторический» человек живёт в новой социальной и темпоральной реальности, которую Г. Люббе характеризует следующим образом: «Увеличение скорости инноваций сокращает темпоральное пространство актуальной значимости нового. <...> Сокращение настоящего означает, что в темпоральном отношении прошлое всё ближе придвигается к настоящему» [3, с. 95–96]. Непосредственным следствием сокращённого пребывания в настоящем и нарастающего производства артефактов являются тотальные музеификация и архивизация культуры. Революция потребления, информационное общество кардинально меняют ценность «слов и вещей». Погоня за инновациями и постоянным, пусть и минимальным на каждом новом этапе, «улучшением» (нередко это «улучшение» является не более, чем симулякром, маркетинговым ходом, а не реальным прогрессом технологий) потребительских свойств товаров неизбежно приводит к девальвации таких понятий, как «надёжность» и «долговечность». В самом деле, к чему производить стиральную машину, способную проработать двадцать лет, если через три-четыре года существенно изменится набор потребительских свойств и функций, рассматриваемых покупателем как потребность, которая на деле будет заботливо сконстру-

ирована при помощи инструментов рекламы и маркетинга? Таким образом, вещь, ещё вчера характеризовавшаяся как «новинка», уже сегодня рассматривается как безнадежно устаревшая. Так и возникают «музеи» вещей и «архивы» слов, при этом мы имеем в виду не музеи и архивы как учреждения, а некую априорную структуру культурно-исторического бытия, выступающую онтологическим основанием для существования означенных институций. «Архивирование» данных как неотъемлемый элемент современных информационных технологий является технологическим выражением и практическим воплощением этой структуры, хотя эти информационные «архивы» также весьма далеки от архивов традиционных. Находящееся в музеях и архивах может включаться в историю, а может и не находить в ней место. На это обратил внимание ещё в 1915 г. Мартин Хайдеггер в своей лекции «Понятие времени и историческая наука» [10, с. 10]. Для современного исторического сознания память зачастую выступает тем маркером, который определяет отнесение того или иного события к истории или архиву.

История и память как различные, хотя и дополняющие друг друга, способы репрезентации прошлого опираются на различные темпоральные структуры. Как уже говорилось ранее, идея истории укоренена в линейной структуре времени, связана с устремленностью в будущее, что наделяет историческое движение смыслом и придаёт ему необходимую энергетику. Память использует нелинейное время, разорванное, не образующее тотальности, обращённое в прошлое и наполненное вневременными структурами, связанными с экзистенциальными ценностями. Именно эмоциональные и экзистенциальные аспекты Второй мировой войны (Холокост) выступили катализатором процесса трансформации исторического дискурса от историографии к памяти. Исторические травмы обусловили то, что именно Германия и германское историописание многие годы определяло направленность и характер *memory studies*. Актуализация политики исторической памяти в Российской Федерации последнего десятилетия также связана с событиями Второй мировой войны и той тяжелейшей судьбой народа нашей страны, вынесшего колоссальную тяжесть борьбы с нацизмом. Обращение к исторической памяти в Соединённых Штатах последние несколько лет, подобно мемориальной политике Германии и России, связано с наиболее значительным травматическим историческим опытом этой страны — рабством и Гражданской войной. Исторически нейтральное отношение

к деятелям Конфедерации меняется на глазах: мемориализация прошлого возвращает актуальность событиям и людям полутора-столетней давности, наполняя образы эмоциональным и экзистенциальным смыслами. Взаимоотношения между памятью и историей можно описать с помощью терминов «историзация» и «мемориализация». Первая процедура «нормализует» прошлое, переводя его из памяти в историю, освобождая её тем самым от этической или иной вневременной ценностной нагруженности, вторая — конструирует из истории память, вырывая те или иные события из контекста прошлого, присваивая им «окончательную» оценку — положительную или отрицательную. В качестве примера Ямпольский ссылается на знаковый для западного историописания спор Сола Фридендера и Мартина Бросцата, имевший место в 80-е гг. XX в. Бросцат, именитый немецкий историк, человек «левых» взглядов, которого невозможно заподозрить в каких-либо симпатиях к нацизму, выступил с призывом «историзировать нацизм», то есть перестать рассматривать историю Германии 1933–1945 гг. вне контекста общего исторического развития и дистанцироваться от эмоций, категорических оценок, наконец, от индивидуальной и коллективной памяти жертв. Память жертв характеризует Бросцатом как «мифическая» (вневременная). Фридендер же, напротив, настаивает на интеграции памяти в исторический нарратив. Ямпольский полагает, что функция государства, как и прежде, состоит в нормализации истории посредством историоризации памяти. Здесь он ссылается на позицию Карла Шмитта, который утверждал, что государство с помощью своих законов и институций производит из хаоса историю, то есть смысловую конфигурацию социально-культурного бытия [12, с. 169]. Вопрос, однако, в том, что государство в постисторическом обществе, сосредоточившись на политике памяти, скорее, производит память из истории. Характерной особенностью современной культуры памяти является феномен, известный как «конструирование травм» [2].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что воспоминание о прошлом определяется структурой темпоральности наличной культуры, и способы репрезентации прошлого конструируются в соответствии с господствующим типом переживания времени. Линейная история, лёгшая в основу идеи Прогресса и обеспечившая успех западной цивилизации, возникла в результате секуляризации христианской эсхатологии и на рубеже XIX–XX вв. была потеснена распространяющимся нели-

нейным восприятием времени, обернувшись переходом к обществу потребления и смещению репрезентации прошлого от исторического знания к исторической памяти.

Литература

1. Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с. [Assmann A. *Raspalas' svjaz' vremjon? Vzljot i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2017. 272 p. (In Russ.)]
2. Буллер А., Линченко А.А. Прощение и непростение в современной исторической культуре // Философия и методология истории. Сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции; Ноябрь 27-28, 2015; Коломна. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24874110>. Дата обращения: 15.07.2019. [Buller A, Linchenko AA. *Proshhenie i neproshhenie v sovremennoj istoricheskoj kul'ture*. Proceedings of conference *Filosofija i metodologija istorii*. Sbornik nauchnyh statej VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii; 2015 Nov 27-28; Kolomna. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24874110>. (In Russ.)]
3. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / пер. с нем., под науч. ред. В. Куренного – М., 2016. – 456 с. [Lübbe G. *V nogu so vremenem. Sokrashhjonnoe prebyvanie v nastojashhem*: per. s nem. pod nauch. red. V. Kurenного. Moscow; 2016. 456 p. (In Russ.)]
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни: в 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 1. – С. 158–230. [Nietzsche F. *O pol'ze i vrede istorii dlja zhizni*. v 2 t. Moscow: Mysl', 1996;1:158–230. (In Russ.)]
5. Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>. Дата обращения: 08.12.2020. [Nora P. *Vsemirnoe torzhestvo pamjati* [Internet]. *Neprikosnovennyj zapas*. 2005;(2). Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>. (In Russ.)]
6. Пахалюк К.А. Историческое прошлое как основание российской политики. На примере выступлений Владимира Путина в 2012–2018 гг. // Политика. – 2018. – № 4. – С. 6–31. [Pakhalyuk KA. *Historical past as foundation of Russia's polity. Assessing Putin's speeches in 2012-2018*. *Politeia*. 2018;(4):6–31. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-6-31>.
7. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с. [Halbwachs M. *Social'nye ramki pamjati*. Moscow: Novoe izd-vo; 2007. 348 p. (In Russ.)]
8. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010. – 1085 с. [Spengler O. *Zakat Zapadnogo mira: Oчерki morfologii mirovoj istorii*. Moscow: ALFA-KNIGA; 2010. 1085 p. (In Russ.)]
9. Ямпольский М.Б. Без будущего. Культура и время. – СПб.: Порядок слов, 2018. – 122 с. [Jampol'skij MB. *Bez budushhego. Kul'tura i vremja*. Saint Peterburg: Porjadok slov; 2018. 122 p. (In Russ.)]
10. Heidegger M. The concept of time in the science of history. *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1978;9(1):3–10. <https://doi.org/10.1080/00071773.1978.11006512>.
11. Leskanich A. History doesn't work: reflections on Martin L. Davies' critique of historicized life. *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*. 2018;22(1):126–136. <https://doi.org/10.1080/13642529.2018.1404344>.
12. Schmitt C. Three possibilities for a Christian conception of history. *Telos*. 2009;(147):167–170. <https://doi.org/10.3817/0609147167>.

■ Информация об авторе

Олег Викторович Герасимов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки. ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения», Самара.
E-mail: oleggmim@gmail.com.

■ Information about the author

Oleg V. Gerasimov — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Science. Samara State Transport University, Samara, Russia.
E-mail: oleggmim@gmail.com.

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВОГО СЛЕДА

Е.В. Листвина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», Саратов

Для цитирования: Листвина Е.В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7–8. – С. 14–18. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18>

Поступила: 03.11.2020

Одобрена: 07.12.2020

Принята: 15.12.2020

▪ В статье анализируется цифровой след как феномен формирующегося цифрового пространства и цифрового общества. Цель статьи — исследование цифрового следа как многослойного явления, обладающего многосторонними особенностями, проявляющимися в различных сферах жизни индивида и социума. Рассмотрены три слоя, характеризующие цифровой след с позиций его воздействия на социокультурную составляющую общества, специфика его формирования, его влияние на развитие и существование личности в современную трансформационную эпоху. В исследовании отмечены позитивные (связанные с возможностями реализации личностного потенциала) и негативные (предполагающие искажение социокультурного пространства) аспекты функционирования цифрового следа. Сделаны выводы о необходимости философского изучения феномена цифрового следа в связи с его возрастающим значением в формировании нового объёмного пласта социокультурного пространства, создающего качественно иные формы социального существования.

▪ **Ключевые слова:** цифровое общество; социокультурные трансформационные процессы; социокультурное пространство; цифровой след.

DIGITAL SOCIETY: A SOCIOCULTURAL ANALYSIS OF THE DIGITAL FOOTPRINT

E.V. Listvina

Saratov State University, Saratov, Russia

For citation: Listvina E.V. Digital society: A sociocultural analysis of the digital footprint. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(7-8):14–18. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18>

Received: 03.11.2020

Revised: 07.12.2020

Accepted: 15.12.2020

▪ The article analyzes the digital footprint as a phenomenon of the emerging digital space and digital society. The purpose of the article is to study the digital footprint as a multi-layered phenomenon with multi-faceted features that manifest themselves in various spheres of life of an individual and society. The author considers three layers that characterize the digital footprint from the standpoint of its impact on the sociocultural component of society, the specifics of its formation, and its impact on the development and existence of the individual in the modern transformational era. The study highlights the positive (related to the possibilities of realizing personal potential) and negative (suggesting a distortion of the socio-cultural space) aspects of the functioning of the digital footprint. Conclusions are made about the need for a philosophical study of the phenomenon of the digital footprint in connection with its increasing importance in the formation of a new volume layer of socio-cultural space that creates qualitatively different forms of social existence.

▪ **Keywords:** digital society; socio-cultural transformation processes; socio-cultural space; digital footprint.

Срок больший или меньший, покуда
не стерся наш след, зовут бессмертием.

Т. Манн. Доктор Фаустус

В настоящее время социум находится на переломном этапе своего развития, что характеризуется, наряду с политическими, экономическими, экологическими изменениями,

в первую очередь тем, что общество вступает в качественно новый период своего существования. Этот период связан с цифровизацией всего комплекса условий социального бытия,

причём человечество сталкивается с таким масштабным изменением, пожалуй, впервые за несколько столетий, когда меняется во многом сама природа человеческого существования. В последние годы это вышло за пределы интереса представителей технических наук и стало настоятельно требовать гуманитарного, философского анализа, так как мы всё больше наблюдаем не только собственно технические, но и социально-антропологические глубинные последствия этих процессов.

Постараемся исследовать именно социокультурные аспекты обозначенных изменений.

Говоря о цифровом пространстве, о дигитализационных процессах и изменениях, мы всё больше отмечаем, насколько технологические достижения, воспринимаемые сначала лишь как вспомогательный элемент, становятся активными преобразователями жизни индивида и социума, оказывают мощное воздействие на профессиональную реализацию, межличностные коммуникации, организацию пространства и другие стороны человеческого бытия. Довольно часто это определяется в литературе как цифровой след. Конечно, этот термин, с одной стороны, является калькой с англоязычных текстов, где он часто называется и цифровым отпечатком, цифровой тенью, кибер-тенью и пр., но в последнее время устоялось использование именно «цифрового следа».

Он может реализовываться в двух вариантах — активном, когда индивид сам оставляет о себе данные, стремясь создать свой цифровой портрет или же, скорее, цифровую личность, и пассивном, подразумевающим информацию о владельце, собранную без его ведома. Мы также можем отметить, что он и формируется в этих двух вариантах, поскольку, оставляя о себе информацию, человек не всегда реализует только свои собственные задачи, но вынужден откликаться на запросы и требования всё увеличивающихся цифровых организаций, служб и пр.

Итак, рассмотрим характеристики цифрового следа. А.М. Кондаков и А.А. Костылева предлагают под ним в цифровом пространстве понимать «весь комплекс данных о человеке в Интернете» [2, с. 209]. Таким образом, это максимально полная информация об индивиде, которая когда-либо могла появиться в цифровом сегменте. Исследователи обозначают три условных слоя цифрового следа. Обратимся к каждому из них и проанализируем подробнее.

Первый слой — это данные, которые человек сам оставляет о себе в мобильных приложениях, социальных сетях и которые

он, как ему кажется, контролирует: там фигурируют только те данные о возрасте, поле, образовании, интересах, контактах, запросы, выбранные им фотографии, которыми он хочет делиться, он вправе делать закрытые для остальных пользователей профили и пр. Именно здесь индивид ощущает наибольшую свободу выбора, отклоняя, принимая запросы, ставя лайки, дизлайки, выключая кого-то или что-то из своей цифровой реальности, а также создавая свой цифровой образ (или несколько образов под разными никами), предполагая, что так он может реализоваться в максимально удобном ему формате со всеми его сложностями и предпочтениями. Фактически это самый первый, базовый слой, без которого невозможно существование двух других. Формально он зависит от самого человека, который принимает решение о создании своего цифрового профиля, о его наполнении, и именно здесь проявляются социокультурные приоритеты и особенности цифрового следа.

Во-первых, здесь проявляется извечное желание человека оставить след после себя, продолжиться во времени. Думается, что это во многом характерно для европейской культуры, где каждый стремится зафиксировать свое специфическое, индивидуальное бытие, отметив свои значимые моменты и достижения, иначе человеку грозит опасность полного растворения в безымянных миллионах предшественников. И если ранее такой след оставался в памяти современников и потомков в основном благодаря поступкам, делам, материальным достижениям, которые отсеивала историческая память, то сейчас эта потребность удовлетворяется мгновенно. Вы можете фиксировать свою жизнь посекундно, в реальном времени, отмечая каждое свое обыденное действие. Если в нашем обществе двадцать лет назад передача «За стеклом» вызывала бурные дискуссии, то сейчас каждый способен делать это, и большинство активных пользователей, блогеров выставляют всю свою жизнь в цифровое пространство, делая экран монитора, планшета или иного гаджета буквально четвёртой прозрачной стеной, открытой большому миру. Причём предполагается, что этот мир заинтересован в получении данной информации, что она действительно значима для существования общества и формирования его устойчивого каждодневного бытия.

Таким образом, можно сказать, что идея оставления памятного следа, принципиально важного для общества, та планка, которая стояла перед индивидом, мечтавшим остаться в истории, в целом снижается до обыкновенного рассказа о своей повседневной жизни.

Это является отражением действительного усиления внимания на протяжении последних десятилетий к простым элементам и фактам жизни ничем не примечательного человека, что отмечалось многими исследователями. Но цифровые технологии практически довели эту возможность до абсолюта. Индивид становится нацеленным исключительно на публичную манифестацию себя, когда становится важным количество лайков, подписчиков. Фактически эти подписки и другие способы одобрения делают цифровой образ всё более осязаемым, объёмным, живым, и поэтому обладатель цифровой личности стремится к увеличению знаков одобрения — без этого данный образ слишком плоский, бесплотный, не живой, то есть — не существующий, не отвечающий своим прямым задачам. И теперь сетевые информационные ленты полнятся сообщениями, которые в принципе ничем не примечательны и которые тонут в информационном пространстве, но удовлетворяют потребности усиливающегося «социального эксгибиционизма».

Во-вторых, это способствует реализации креативного потенциала личности. Личность находится в постоянном конструировании себя, учитывая предлагаемые цифровые параметры и стараясь в них продемонстрировать собственную неповторимость, уникальность. В этих условиях складывается специфическая цифровая проекция, через которую индивид пытается коммуницировать с окружающим миром, правда, таким же виртуальным, цифровым. Но для функционирующих в нём проекций он оказывается многомерной реальностью, где данные проекции реализуют «подиумное сознание» своих создателей, постоянно самопрезентирующих себя во множестве незначительных проявлений [3, с. 57].

В-третьих, формирование цифрового образа происходит при концентрированном проявлении принятых в конкретной культуре традиций, приоритетов. В этом потоке отдельных битов информации, если прокрутить их как киноплёнку, можно увидеть уплотнённый культурный шаблон (отражающий поколенческие, гендерные, социальные обычаи и приоритеты, принятые в обществе), а также насыщенный социокультурный и психологический портрет самого человека, который может оказаться более правдивым, нежели этого желает его автор. В том числе это демонстрируется через пристрастия к социальным сетям — определённые поколения «наседают» «Одноклассники», «Вконтакте», «Фейсбук», «Инстаграм», «Тик-ток». Мы видим, что каждое вновь пришедшее поколение

оседает в наиболее приемлемой для своего возраста и набора социальных интересов сети и меняет её с трудом, а большей частью и не стремится к её смене.

В-четвёртых, следует отметить, что цифровой след способствует, с одной стороны, раскрытию коммуникационных возможностей, предоставляя человеку максимум вариантов самореализации, но с другой стороны — увеличивает вероятность искажения этих возможностей, поскольку индивид, конструируя свою лауну цифрового пространства, отсекает от себя другие направления и векторы его бесконечного разнообразия, часто оставаясь при этом в уверенности, что он использует их максимально.

При этом можно отметить, что данные характеристики имеют и негативные аспекты. Так, в-пятых, происходит нивелирование различных событийных уровней, когда в информационной ленте одинаково выстраиваются случайные эпизоды, мимолётные эмоциональные реакции отдельного человека наряду со значимым событием в его личной жизни или же с событием регионального, мирового масштаба. Это стирает для восприятия пользователя выработанную предшествующими поколениями градацию событийного ряда и сглаживает реакцию на них как отдельных людей, так и целых сообществ.

В-шестых, индивид становится зависимым от ответных реакций, которые могут быть незначительны для того, кто данную реакцию транслирует, но для конкретного человека они могут быть утрированно серьёзными и иметь глубокие последствия, отражающиеся на его поведении не только в сетевом пространстве, но и в реальной жизни.

Таким образом, в-седьмых, длительное пребывание в цифровом пространстве способно исказить самовосприятие человека и его отношение к неvirtуальной реальности, куда индивид может переносить свои эмоции, конструкции и осуществлять на основании этого конкретные действия, включая уже в изменение традиционной социальной реальности. Это может приводить к тому, что цифровой мир сам становится силой, имеющей все ресурсы для конструирования человека, который предполагает, что он независим и самостоятелен в осваиваемом им пространстве.

Мы так подробно остановились на характеристиках первого слоя, так как уже отмечали, что он является базовым для последующих слоёв, поскольку предоставляет необходимый материал для их формирования, укрепления и разрастания.

Второй слой, предложенный А.М. Кондаковым и А.А. Костылевой, складывается из совокупности информации о поведении индивида в интернет-пространстве. Современный уровень технологий позволяет складывать из разрозненных, открытых или зашифрованных «цифровых кирпичиков», локализуемых на разных серверах, платформах и сайтах, синхронизировать и формировать целостную картографию отдельного индивида.

Это наши метаданные, которые создаёт человек о себе в профессиональном сообществе как по требованию организаций, где он работает (сейчас практически каждый подробно представлен в ряде профессиональных поисковых систем), так и те данные, которые мы оставляем о себе всеми своими действиями: мимолётными лайками, открытием случайных страниц, предпочтениями в поисковых системах, играми, нашими локациями, передвижениями, финансовыми тратами, длительностью сетевых и иных коммуникаций, прикосновением к экрану гаджета и т. д. Даже столь популярные ныне «сториз», исчезающие из личной информационной ленты через двадцать четыре часа, на самом деле остаются в цифровых глубинах и позволяют составить о нас сложный контекстный целостный информационный блок, который лично мы не в силах исправить, удалить, переписать. И если личная память может преобразить или переоценить целые этапы жизни отдельного человека, объяснить изменение его взглядов, установок и, как следствие, его поступков, то бесстрастная цифровая память содержит все его образы, трансформации, психологические порывы и соединяет их в практически неуничтожаемую базу данных. Эта база не контролируется индивидом, и о степени её насыщенности он вряд ли имеет реальное представление.

Третий слой представляет собой соединение первого и второго. В его рамках происходит анализ алгоритмов действий индивида для использования различными социальными структурами. Показательно то, что изначально проблемой цифрового следа озаботились торговые компании для выяснения покупательских предпочтений людей, а также организации, составляющие информационные пакеты данных на своих сотрудников. Из результатов данного анализа формируются различные профили человека, на основании которых действуют маркетологи, рекламодатели и т. д. Более того, получение больших объёмов такого рода информации позволяет изменить привычную структуру производства, по которой спрос рождает предложение. Упомянутые выше возможности сети конструируют циф-

ровую личность и мягко выстраивают её запрос в зависимости от интересов производителя, формируя потребности, предпочтения и в дальнейшем образ жизни в целом.

Однако сегодня мы видим, что эти возможности расширяются, и на основании имеющегося цифрового социального портрета происходит социальное структурирование, когда составляются паспорта лояльности и социальные рейтинги банками, компаниями, а в некоторых случаях и государством. Так, в Китае с 2014 г. поэтапно внедряется «Система социального кредита», отслеживающая законопослушность, честность, потребительское поведение и ранжирующая по этим критериям граждан [1].

Таким образом, мы видим, что влияние цифровых данных приводит к пересмотру моделей социальной реальности [4, с. 122]. Происходящие изменения в социуме делают актуальной проблему исследования феномена цифрового следа, который становится всё более значимым и регулирующим социальную жизнь. Его влияние на различные стороны общественной жизни делает необходимым его юридическое и административное фундирование, что и происходит в последние годы.

Но вместе с тем мы можем констатировать и тот факт, что на наших глазах посредством множества цифровых следов возникает новый объёмный пласт социокультурного пространства, создающий качественно иные формы социального существования и требующий серьёзного философского осмысления и прогнозирования.

Литература

1. В Китае официально узаконили «Систему социального кредита» [Электронный ресурс]. Рамблер. Новости, 2021. Режим доступа: https://news.rambler.ru/sociology/45560037/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. [V Kitae oficial'no uzakonili "Sistemu social'nogo kredita"] [internet]. Rambler. Novosti; 2021. Available from: https://news.rambler.ru/sociology/45560037/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (In Russ.)]
2. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 207–218. [Kondakov AM, Kostyleva AA. Digital identity, digital self-identification, digital profile: problem statement. *RUDN Journal of Informatization in Education*. 2019;16(3):207–218. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218>.

3. Конева А.В. «Подимное сознание» в эпоху культуры различия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2010. – Т. 189. – С. 53–58. [Koneva AV. “Runway consciousness” in the era of culture of difference. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2010;189:53–58. (In Russ.)]
4. Платонова С.И. Большие данные: создание вызовов и возможностей в социальных науках // Мanusкрипт. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 119–123. [Platonova SI. Big Data: Challenges and Opportunities in Social Sciences. *Manuskript*. 2020;13(4):119–123. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.4.24>.

▪ **Информация об авторе**

Евгения Викторовна Листвина — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии. ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», Саратов.
E-mail: listvamer@yandex.ru.

▪ **Information about the author**

Evgeniia V. Listvina — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture and Cultural Studies, Saratov State University, Saratov, Russia.
E-mail: listvamer@yandex.ru.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ НОМАДОЛОГИИ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЛОСОФИИ ОБЫДЕННОГО ЯЗЫКА

И.В. Степанов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет», Самара

Для цитирования: Степанов И.В. Методологические и социально-философские аспекты номадологии: критический взгляд через призму философии обыденного языка // *Аспирантский вестник Поволжья*. – 2020. – № 7–8. – С. 19–25. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.19-25>

Поступила: 16.11.2020

Одобрена: 25.11.2020

Принята: 15.12.2020

▪ Среди работ философов-постструктуралистов второй половины XX столетия значительной популярностью в Европе и России пользуются работы Жюльи Делёза и Феликса Гваттари. В рамках проекта, получившего название «номадология», Делёз и Гваттари попытались актуализировать вопросы о соотношении философии и науки, философии и религии, философии и политики, политики и войны. В статье анализируются способы постановки и решения указанных вопросов. Методологическим основанием анализа выступают принципы, разработанные Людвигом Витгенштейном в рамках философии обыденного языка.

▪ **Ключевые слова:** смысл; номадология; языковая игра; контекст; концепт; функция; фигура; план имманенции; кочевник; политика; война.

METHODOLOGICAL AND SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF NOMADOLGY: A CRITICAL VIEW THROUGH THE PRISM OF THE PHILOSOPHY OF EVERYDAY LANGUAGE

I.V. Stepanov

Samara State Technical University, Samara, Russia

For citation: Stepanov I.V. Methodological and socio-philosophical aspects of nomadology: A critical view through the prism of the philosophy of everyday language. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhya*. 2020;(7-8):19–25. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.19-25>

Received: 16.11.2020

Revised: 25.11.2020

Accepted: 15.12.2020

▪ The works of Gilles Deleuze and Felix Guattari are known to be the most popular ones in Europe and Russia among the works of post-structuralist philosophers of the second half of the XX century. In a project called nomadology, Deleuze and Guattari attempted to update questions about the relationship between philosophy and science, philosophy and religion, philosophy and politics, politics and war. The article analyzes the ways of setting and solving these issues. The methodological basis of the analysis serves the principles developed by Ludwig Wittgenstein in the framework of the philosophy of everyday language.

▪ **Keywords:** meaning; nomadology; language game; context; concept; function; figure; immanence plan; nomad; politics; war.

Современная западная и отчасти российская философия работают преимущественно в рамках двух парадигм — постструктуралистской и аналитической. Взаимоотношения между их представителями демонстрируют низкий уровень коммуникационной активности, хотя обе парадигмы сходятся по крайней мере в двух пунктах:

- 1) отказ от понимания философии как всеохватной, иерархически выстроенной, категориальной системы;
- 2) приоритетное внимание по отношению к языку одновременно и как к инструменту, и как к объекту исследования. Одним из популярнейших постструктуралистских проектов как в методологическом,

так и в социально-философском аспектах по сей день остаётся номадологический проект Жилия Делёза и Феликса Гваттари. В представленной статье автор попытался взглянуть на философию Делёза и Гваттари через призму аналитики языковых выражений, которыми изобилует номадология.

Теоретическим и методологическим основанием исследования выступает теория обыденного языка Людвига Витгенштейна, изложенная им в работах «Философские исследования» [2] и «О достоверности» [1]. Кратко обозначим позицию позднего Витгенштейна:

- 1) философия представляет собой деятельность по прояснению смысла языковых выражений;
- 2) основной смысловой единицей языка является «языковая игра», то есть использование слов в подвижных границах (контексте). Контекст выражает различные способы понимания слов, соотнося это понимание с действиями («формами жизни»). Не бывает «языковых игр», лишённых правил или имеющих абсолютно неизменные правила;
- 3) не существует такой «языковой игры», в которую играл бы только один человек и только один раз. «Игры» соединяются друг с другом посредством контекстуального «семейного родства». Следует учитывать, что это сходство далеко не всегда принимает вид иерархического подчинения. В большинстве случаев «формы жизни» могут быть «родственниками» в одном аспекте и кардинально различаться в другом;
- 4) повседневный язык выступает в качестве единственного возможного посредника между формальными языками. Попытки создания идеального синтаксиса и грамматики бесполезны для прагматики повседневного общения, не руководствующейся описанием мира и не заботящейся о чётком соотношении знаков и символов, но, тем не менее, делающей понимание и перевод слов в действия возможным;
- 5) философская деятельность востребована лишь в ситуациях концептуальной путаницы («болезни языка»). Концептуальная путаница возникает тогда, когда всё многообразии «языковых игр» пытаются ввести в рамки неподвижных границ или же, наоборот, постоянно изменяют контекст и смешивают контекстуальное поле со значением отдельного, включённого в это поле высказывания, лишая правила смысла. Согласно Витгенштейну, о реальности философ-лингвист знает не больше, чем философ-метафизик, но на основе того

немногого, что известно, философ-лингвист пытается по крайней мере выработать правила проверки способов интерпретации реальности.

Обращаясь к проблеме данной статьи, а именно проблеме употребления слов «смысл», «философия», «наука», «религия», «предфилософия», «война» и «политика» в работах Жилия Делёза и Феликса Гваттари, стоит прежде всего поставить вопрос об их контекстуальном использовании.

Согласно делёзовской трактовке, представленной в работе «Логика смысла», «смысл» есть «выражаемое предложением», отличное от десигнации (отношение предложения к внешнему состоянию вещей), манифестации (отношение предложения к субъекту, который выражает себя) и сигнификации (отношение слова с его понятийным содержанием, способным отсылать к другим предложениям): «Смысл — четвёртое измерение предложения... это бестелесное на поверхности вещей, сложная и нередуцируемая ни к чему сущность, чистое событие, которое упорствует и обитает в предложении» [3, с. 32]. Мишель Поль Фуко, комментируя работы Делёза, поясняет «смысл-событие» следующим образом: «Событие — это не некое положение вещей, не нечто такое, что могло бы служить в качестве референта предложения (факт смерти — это положение вещей, по отношению к которым утверждение может быть истинным или ложным; умирание — это чистое событие, которое никогда ничего не верифицирует)... «Марк Антоний умер» обозначает положение вещей; выражает мое мнение или веру; сигнифицирует утверждение; и вдобавок имеет смысл: «умирание». Неосвязаемый смысл, с одной стороны, обращен к вещам, поскольку «умирание» — это что-то, что происходит как событие с Антонием, а с другой стороны, он обращен к предложению, поскольку «умирание» — это то, что высказывается по поводу Антония в таком-то утверждении» [3, с. 446].

На первый взгляд кажется, что термин «смысл» в философии Делёза не подлежит анализу в рамках теории обыденного языка. Однако, с нашей точки зрения, этот пресловутый «смысл – событие – становление» вполне можно объяснить как формирование новых или же расширение границ старых «языковых игр». Например, обращаясь к футболу, выражения, касающиеся знаменитого гола рукой 22 июня 1986 г., забитого Диего Марадоной в ворота английской сборной на чемпионате мира, так же как и приводимый Фуко пример с Антонием, отсылают к положению вещей,

выражают мнение, сигнифицируют утверждение и имеют смысл — «забывание гола рукой» («чистое событие»), что заставляет по-новому взглянуть на проблему судейских ошибок и возможностей нарушения футбольных правил игроками, трансцендировать данное событие, связав руку Марадоны с божественной волей («рука Бога»), трактовать событие как возмездие за поражение Аргентины от Великобритании в Фолклендской войне 1982 г., то есть извлечь новые значения, расширяя границы и возможности футбольной тематики, терминологии и практики.

Переходя к анализу употребления слова «философия» в номадологии, обратимся к последней совместной крупной работе Делёза и Гваттари «Что такое философия?». В ней авторы определяют «философию» как творческое преодоление хаоса путём изобретения концептов, отличающегося от науки, оперирующей функциями (функциями), и искусства, производящего аффекты и перцепты. Концепты без контекстуального поля — плана имманенции — представляют собой просто нагромождение слов: «Философские концепты — это фрагментарные единства, не пригнанные друг к другу... Тем не менее они перекликаются, и творящая их философия всегда представляет собой могучее Единство — нефрагментированное, хотя и открытое; это беспредельная Всецелость, *Omnitudo*, вбирающая их все в одном и том же плане. Это как бы стол, поднос, чаша. Это и есть план консистенции или, точнее, план имманенции концептов, *планомен*» [6, с. 43].

Помимо концептов и плана имманенции в философском творчестве присутствует так же концептуальный персонаж — субъект философии, который обладает зыбким существованием где-то между концептом и планом имманенции. Обратимся к известному отечественному философу и культурологу Сергею Фокину: «Философское “я” — не более чем образ. Иногда просто привычка называть себя так, а не иначе. “Философ” равно как психолог или кто-то другой, есть не что иное, как вереница масок, галерея персонажей, которые, однако, не то чтобы созданы философом — скорее, его создают» [4, с. 184–185].

Рассуждая о концептуальных проблемах, с которыми сталкивается философское творчество, Делёз и Гваттари выделяют две распространённые ошибки:

1) иногда смешивание плана имманенции и концепта приводит к тому, что концепт становится «трансцендентальной универсалией», приобретающей настолько абстрактный характер, что её форма и со-

держание становятся хаотичными, постепенно утрачивая смысл [6, с. 21];

2) однако чаще данное смешивание приводит к победе «мнения», то есть абстрагирования, ограничивающегося выделением одного качества объекта и ориентированного на достижение субъективных целей. «Мнение» активно пользуется концептом в ситуациях, когда это практически оправданно, забывая о творчестве, когда подобное использование не приносит никаких выгод. В этом случае концепты постепенно окостеневают и теряют свою уникальность. В качестве иллюстрации победы «мнения» французские философы приводят интересный пример с сыром. Представим, что к столу подают сыр. Некто, сидящий за столом, указывает на одно из качеств сыра, например, неприятный запах. Абстрагируя данное качество, этого субъекта начинаю отождествлять с родовой группой, ненавидящей сыр, противопоставляя выделенную группу любителям сыра, которым продукт нравится благодаря другому качеству, например, вкусу. Делёз и Гваттари отмечают, что победа «мнения» отнюдь не ограничивается «сырными баталиями». В перспективе эта победа чревата насилием, способным заставить творчество обслуживать интересы властных структур.

Два вышеописанных случая, приводимых французскими философами, через призму философии обыденного языка следует трактовать как указание на классические примеры «болезни языка», о которых говорилось в начале статьи. В первом случае мы имеем дело со смешиванием контекста и отдельного, составляющего этот контекст высказывания, делающего трудноопределимыми границы «языковой игры». Во втором случае это же смешивание ведёт к попытке сведения всего многообразия «языковых игр» к одним, неподвижным границам (по меткому замечанию Витгенштейна «картина берёт человека в плен»). Полностью согласимся с Делёзом и Гваттари, добавив, что указание на подобные ошибки в контексте проблемы определения границ и возможностей философского творчества, на наш взгляд, является необходимым делом.

Делёз и Гваттари на протяжении всей работы настаивают на том, что глубокой ошибкой следует считать попытки синтеза науки, философии и искусства, равно как и попытки их отождествления: «Философия вызывает события с помощью концептов, искусство воздвигает памятники с помощью ощущений, наука конструирует состояния вещей при помощи функций. Между этими планами может

образовываться плотная ткань соответствий. Но в этой сети имеются и высшие точки, в которых ощущение само становится ощущением концепта или функции, концепт — концептом функции или ощущения, функция — функцией ощущения или концепта. Причём не успев появиться один из этих элементов, а другой уже наготове, пока ещё неопределённый или неведомый» [6, с. 231]. Однако дальнейшее прояснение вопроса «Что такое философия?» в рамках обозначенной позиции порождает больше концептуальных проблем, чем ответов. Выделим три из них, которые мы считаем главными.

Одной из острых проблем для Делёза и Гваттари является проблема разграничения философии и науки. Французские философы неоднократно указывают на ошибочность отождествления концептов и частных пропозиций, концептуальных персонажей и частных наблюдателей, поскольку, с их точки зрения, пропозиции в науке имеют референта, то есть отсылают к некоему состоянию вещей, которое может быть условно истинным или условно ложным. Объектом же концептуальных высказываний является неделимость собственных фрагментарных составляющих [6, с. 30]. Поэтому Делёз и Гваттари выступают последовательными противниками философии логического анализа Готлоба Фреге и Бертрانا Рассела, с их точки зрения, стремящейся превратить концепт в функцию и свести все способы движения мысли к «самой недалекой, скудной и примитивной форме» — распознаванию.

Однако указанный способ демаркации науки и философии, при сохранении их равноправия, становится сомнительным в свете следующего утверждения: «Именно идея функции делает возможными для наук рефлексию и коммуникацию. При решении этих задач наука совершенно не нуждается в философии. Зато, когда некоторый объект (например, геометрическое пространство) научно сконструирован посредством функций, то начинаются поиски его концепта, который ни в коей мере не задан в функции» [6, с. 135]. Иными словами, пространству пропозиций после того, как оно уже сконструировано, всё же необходимо концептуальное прояснение, в то время как философия может существовать и без функциональных конструкций, а это, в свете тезисов о равноправии науки и философии и их несводимости друг к другу, ещё больше запутывает проблему построения теории взаимоотношений научного и философского творчества, поскольку философия выступает здесь по отношению к науке одновременно

и равноправной формой культурной деятельности и общим, для обоих членов пары, контекстуальным пространством.

Второй важной проблемой, рассматриваемой Делёзом и Гваттари, стала проблема демаркации философии и религии. Отчасти для решения этой проблемы французские философы разработали целую дисциплину — геофилософию. Данный проект предполагал отказ от использования геополитических категорий «детерриториализация» (распад единого политического пространства) и «ретерриториализация» (создание единого политического пространства) в традиционных границах, заданных политической и экономической географией. Под «территорией» Делёз и Гваттари понимают взаимосвязь пространства культуры и пространства земли, возникающую в результате преодоления хаоса: «Движения детерриториализации неотделимы от территорий, открывающихся вовне, ретерриториализации неотделимы от земли, которая восстанавливает территории. Таковы две составляющих — территория и земля, а между ними две зоны неразличимости — детерриториализация (от территории к земле) и ретерриториализация (от земли к территории)» [6, с. 98–99].

Французские философы выделяют два способа организации пространства — «вертикальный, оседлый, имперский, государственный, трансцендентный» и «горизонтальный, кочевой, полисный, имманентный»: «Государство и Полис осуществляют детерриториализацию, так как в первом собираются и уравниваются сельские территории, соотносясь с высшим арифметическим Единством, а во втором территория адаптируется к геометрической протяжённости, бесконечно продлеваемой вдоль торговых путей» [6, с. 99]. По мнению Делёза и Гваттари полисный тип организации пространства гораздо лучше приспособлен для развития философии, чем имперский: «Можно сказать, что Греция имеет фрактальную структуру, настолько каждая точка в ней близка к морю и настолько велика протяжённость побережья... На протяжении сравнительно короткого периода существовала глубочайшая связь между демократическим полисом, колонизацией, морем и новым империализмом, видящим в море уже не границу своей территории или препятствие для своих замыслов, а ещё более широкий бассейн имманентности» [6, с. 57]. Особое восхищение у французских философов вызывает Афинская республика, с их точки зрения, ставшая своеобразным международным рынком, куда приходили люди, порвавшие с империями. Среди этих чужестранцев попадались и философы: «Что же

такое нашли эти эмигранты в греческой среде? По крайней мере три вещи, послужившие фактическими предпосылками философии: во-первых, чистую общительность, как среду имманентности, „внутреннюю природу ассоциации“, противостоявшую верховной имперской власти и не предполагавшую никакого предзаданного интереса, поскольку, наоборот, она сама предполагалась соперничающими интересами; во-вторых, особое удовольствие от ассоциации, составляющее суть дружества, но также и от нарушения ассоциации, составляющее суть соперничества; в третьих, немислимую в империи любовь к мнению, к обмену мнениями, к беседе» [6, с. 101]. Делёз и Гваттари полагали, что именно наследие греческой культуры позволило европейцам опереться на идею нововременного демократического государства и занять ведущие места в философском творчестве, распределив между собой основные роли в геофилософском триединстве «основать – построить – поселиться», где французам досталась роль строителей, немцам основателей, а англичанам поселенцев [6, с. 122], в то время как США и Россия посредством концептуализации прагматизма и социализма выстраивают «новейшее общество братьев или товарищей, тем самым поддерживая мечту древних греков о восстановлении демократического достоинства» [6, с. 114].

Вертикальный же способ организации пространства тяготеет к религиозному творчеству, которое проецирует трансцендентность на план имманенции, «заселяя» его гексаграммами, сефиротами, мандалами и иконами, объединёнными французскими философами термином «фигуры» [6, с. 103]. Философия приходит к религии только ценой отречения от себя, равно как и религия приходит к концепту лишь ценой измены себе [6, с. 107]. Через призму грамматического метода данное утверждение следует понимать таким образом, что философия, включая себя в поле религиозных «языковых игр», постепенно меняет контекст и становится религией и наоборот, концептуализация религии превращает её в философию.

Французские философы всячески пытаются уйти от распространённой традиции принижения фигур перед концептами или концептов перед фигурами: «Чаще всего в попытках определить их разницу, выражаются лишь произвольные суждения, которые ограничиваются принижением одного из двух членов оппозиции... Однако, у них, по-видимому, есть общий план имманенции, где между ними проявляются странные

сближения» [6, с. 105–106]. Тем не менее данная позиция приводит к концептуальной путанице, когда Делёз и Гваттари, рассуждая о еврейской, индийской, китайской и исламской философиях, обозначают их как «предфилософии», выстраивающие план имманенции, на котором может разворачиваться как творчество концептов, так и творчество фигур. Вполне допустимо интерпретировать, используя грамматический анализ, утверждения о плане имманенции без концептов и фигур как утверждения о формировании пространства «языковой игры» до конкретизации правил и возможностей самой игры (например, мы изобретаем 64-клеточную доску, на которой можно будет играть как в шахматы, так и в шашки). Но вот интерпретация китайского, индийского, еврейского и исламского творчества одновременно и как религии, и как предфилософии свидетельствует о том, что французские философы разрушают ими же самими установленные контекстуальные границы, смешивая процесс формирования поля «языковой игры» с выработкой и конкретизацией правил. Ещё большей путаница возникает, когда Делёз и Гваттари пытаются определить место Испании и Италии в геофилософской картине мира как «кончеттизм», то есть католический компромисс между фигурой и концептом [6, с. 119–120], поскольку такое определение противоречит их теоретической и методологической установке, отвергающей возможности синтеза религии и философии.

В качестве третьей по порядку, но не по значению проблемы, приводящей к концептуальной путанице уже в рамках социально-философского аспекта, отметим попытку номиналистического разграничения деятельности философа с деятельностью политических и общественных институтов. С одной стороны, Делёз и Гваттари пытаются резко отделить философское творчество от «коммуникационной рациональности» и «мирового демократического диалога», утверждая, что философия носит некритический и недискуссионный характер (!). Философская критика, с их точки зрения, является по преимуществу тривиальной и сводится к констатации того простого факта, что концепт, помещённый в новый план имманенции, теряет некоторые свойства или приобретает новые. Дискуссия же представляет собой творческий тупик, поскольку спорящие исходят из разных планов имманенции [6, с. 36]. С другой стороны, французские философы признают, что современная европейская философия ретерриториализуется в демократическом государстве,

ради становления нового «сообщества братьев» и новой земли, формируя общественные группы и процессы, противостоящие социальной несправедливости: «Таковы революции и дружеские общества, общества сопротивления, ибо творить — значит сопротивляться, всё это чистые становления, чистые события в плане имманенции» [6, с. 129].

Для концептуализации данной позиции Делёз и Гваттари изобретают концептуального персонажа — «кочевника», стараясь выявить принципиальные различия между работой машины войны и функционированием государственного механизма: «Шахматные фигуры — элементы кода, имеющие внутреннее значение и внешние функции, из которых вытекают все ходы и комбинации, фигуры обладают качеством: конь остаётся конём, пешка пешкой, слон слонем. Арсенал игры го — фишки, простые арифметические единицы, зёрнышки и камешки. Это некое анонимное собирательное третье лицо — мужчина, женщина, блоха, слон. Фишки — элементы коллективной машины, обладающие не внутренними, а ситуативными качествами. Шахматы — это война, но война институализированная, урегулированная, война с фронтом, тылом, сражениями. Наоборот, война без линии фронта, без прямых столкновений, без тылов и до определённого момента без сражений — это партизанская война го: чистая стратегия, тогда как шахматы — это семиология» [5, с. 184].

Согласно Делёзу и Гваттари, кочевник является носителем войны и врагом государства, поскольку пространство для кочевника принципиально нерасчленимо. Кочевник не столько передвигается в пространстве, сколько сливается с ним, поддерживая диффузность и сегментарность общества. Государству же, опирающемуся на принцип укоренённой дифференциации социальных групп, война и даже армия имплицитно не присущи, а для поддержания внутреннего порядка достаточно полиции и других спецслужб. Кроме того, в основе «оседлого» подхода лежит бинарная оппозиция «материя – форма» (компарс), направленная на выделение всеобщего, в основе «кочевого» подхода лежит бинарная оппозиция «материал – сила» (диспарс), направленная на выделение индивидуального. С точки зрения французских философов, современный мир представляет собой уже не борьбу государств и диффузных кочевых сообществ, поскольку государство частично присвоило «машину войны», пригласив на службу кочевников и изобретя регулярные армии. Сегодня, в рамках и внутри господства государственных отношений наличествует борьба между обще-

ством, расширяющим пространство желания и мысли, и политическими институтами, старающимися присвоить право регламентации пользования ими [подробнее см. 6, с. 40–41]. В целом возникает ощущение, что в поздних трудах Делёз и Гваттари пресытились неопределённостью и расплывчатыми характеристиками кочевника, пытаюсь передать большую часть его функций гражданину полиса, философу и торговцу: «Желать войну вопреки всем будущим и прошлым войнам, желать агонию назло всем смертям, желать рану наперекор всем шрамам, во имя становления, а не вечности, — только в таком смысле концепт объединяющей силой» [5, с. 185].

В чём же состоят противоречия номадологического проекта, касающиеся спсоба разграничения философии и политики? Прежде всего, вызывает недоумение попытка отделить философское творчество от дискуссионного поля. Ведь в таком случае философия предстаёт либо крайне бедной «языковой игрой» с негибкими правилами, суть которой состоит в автономизации индивидуальной интеллектуальной деятельности по прочтению и написанию текстов, допускающей в лучшем случае уточняющие вопросы о плане имманенции и смысле концептов, которые авторы этих текстов иногда задают друг другу. Либо мы имеем дело с другой крайностью, предполагающей игнорирование воли автора при использовании его терминологии в ином контекстуальном поле, что влечёт за собой постепенное разрушение правил.

Далее перейдем к анализу попыток связать философскую деятельность с войной. Первоначально французские философы соотносят смысл термина «война» с конкурентным, недискуссионным физическим насилием. Но затем она превращается в форму социальной конкуренции между общественными группами, в том числе и сообществами философов, с одной стороны, и политическими институтами государства, с другой, лишаясь при этом одного из главных качеств, то есть физического насилия. Само возвращение этого качества в рамки общественной борьбы Делёз и Гваттари не приветствуют, фактически не обсуждая тему гражданской войны. Чем эта ситуация отличается от приведённого выше примера с сыром, сказать сложно. Разве что тем, что в «сырном случае» одно из фундаментальных качеств произвольно абсолютизируется, а в случае войны такое же качество произвольно игнорируется.

Но даже если понимать политическую революцию как совокупность мирных протестов, ориентированных на защиту индивидуального

перед коллективным, диффузного перед централизованным, всё равно место философского творчества в этом процессе, такое, каким его стараются преподнести Делёз и Гваттари, теряется. Невозможно представить революционный процесс вне дискуссионного поля, охватывающего в том числе и прежде всего причины революции или, пользуясь терминологией французских философов, особенности плана имманенции, из которого произрастают революционные способы детерриториализации и ретерриториализации. Однако, согласно их же утверждению, такое поле несовместимо с концептуальной деятельностью. Тем самым, с точки зрения грамматического анализа, свободно превращая кочевника в «кочевника», а войну в «войну», Делёз и Гваттари сами нарушают правила, смешивая концепт и план имманенции.

В итоге попытка решения проблемы выявления своеобразия философского творчества, предпринятая французскими философами, превращается в запутывание этой проблемы. Не решив вопросы разграничения науки и философии, философии и религии, философии и политики, политики и войны, Делёз и Гваттари ставят новые вопросы, которые, однако, тоже не находят определённого решения в рамках их проекта, а именно: «Почему сконструированное наукой пространство пропозиций нуждается в философских концептах, а философское творчество может обойтись без науки?», «Возможен ли синтез религии и философии, если они имеют общий план имманенции?», «Как война как вид концептуального творчества связана с войной как социальным процессом?» и т. д. Причина же такого запутывания лежит в искреннем стремлении расширить поле философской деятельности, сохранив элементы привилегированного статуса этой деятельности. Подобная позиция вполне соответствует французским реалиям второй половины XX — начала XXI вв., когда французская философия позиционируется одновременно как: 1) теоретический и одновременно массовый способ защиты свобод и желаний индивида,

- 2) один из главных предметов экспорта французской культуры,
- 3) интеллектуальное поле для «языковых игр» образованной элиты.

С нашей же точки зрения, номадологический проект остаётся по сей день разнообразностью потребительской метафизики, которая, в силу отсутствия желания или даже возможностей для прояснения проблем, поднятых Делёзом и Гваттари, но так и не прояснённых ими, обрастает всё большим числом клубков концептуальной путаницы [7].

Литература

1. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. – М.: АСТ, 2010. – 250 с. [Wittgenstein L. Kul'tura i cennost'. O dostovernosti. Moscow: AST; 2010. 250 p. (In Russ.)]
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ, 2011. – 347 с. [Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniya. Moscow: AST; 2011. 347 p. (In Russ.)]
3. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с. [Deleuze G. Logika smysla. Moscow: Academic Project; 2011. 472 p. (In Russ.)]
4. Делёз Ж. Ницше / пер. с фр., послесл. и комментарий. С.Л. Фокина. – СПб.: Аксиома, 1997. – 186 с. [Deleuze G. Nietzsche. Per. s fr., poslesl. i komment. S.L. Fokin. Saint Peterburg: Axioma; 1997. 186 p. (In Russ.)]
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии // «НК». – 1992. – № 2. – С. 183–187. [Deleuze J, Guattari F. Treatise on nomadology. "NK". 1992;(2):183–187. (In Russ.)]
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2011. – 261 с. [Deleuze J, Guattari F. Chto takoe filosofiya? Moscow: Academic Project; 2011. 261 p. (In Russ.)]
7. Степанов И.В. Особенности социокультурной практики «номадического» сознания // Философско-методологические проблемы науки и техники. Межвузовский сборник научных трудов. – Самара, 2013. – Т. 9. – С. 42–47. [Stepanov IV. Features of socio-cultural practice of "nomadic" consciousness. Filosofsko-metodologicheskie problemy nauki i tekhniki. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Samara, 2013;9:42–47. (In Russ.)]

■ Информация об авторе

Иван Викторович Степанов — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии. ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара.
E-mail: stivan1981@mail.ru.

■ Information about the author

Ivan V. Stepanov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy. Samara State Technical University, Samara, Russia.
E-mail: stivan1981@mail.ru.

ВОЙНА — ЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЕ

А.Ю. Черепанов

Филиал Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Сызрань

Для цитирования: Черепанов А.Ю. Война — явление социальное // Аспирантский вестник Поволжья. — 2020. — № 7–8. — С. 26–30. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.26-30>

Поступила: 13.10.2020

Одобрена: 26.10.2020

Принята: 27.11.2020

▪ Основная цель данной статьи — формирование представления о войне как о социальном явлении. Война — явление многоплановое, каждая историческая эпоха накладывает собственный отпечаток на характер войны и её базовые атрибутивные свойства. Основными характеристиками социальности войны являются социальный конфликт, социальное насилие, социальное пространство и время войны, быстроразвивающийся научно-технический прогресс, социальное (коллективное) взаимодействие. Автор выявляет критерии, указывающие на то, что война является одним из самых быстроразвивающихся социальных феноменов.

▪ **Ключевые слова:** война; насилие; социальное пространство; социальный феномен; социальное взаимодействие; социальное время.

WAR IS A SOCIAL PHENOMENON

A.Yu. Cherepanov

A branch of the Military educational-scientific center of air force
“Air force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin”, Syzran

For citation: Cherepanov AYu. War is a social phenomenon. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(7-8):26–30. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.26-30>

Received: 13.10.2020

Revised: 26.10.2020

Accepted: 27.11.2020

▪ The article aims to form the idea of war as a social phenomenon. War is a multidimensional phenomenon, each historical epoch leaves its own imprint on the nature of war and its basic attribute properties. The main characteristics of the sociality of war are social conflict, social violence, social space and time of war, rapidly developing scientific and technological progress, and social (collective) interaction. In this regard, the author identifies criteria that indicate that war is one of the most rapidly developing social phenomena.

▪ **Keywords:** war; violence; social space; social phenomenon; social interaction; social time.

Существует точка зрения, что история человечества — это история войн. У Черчилль весьма точно подметил: «...война — удел человеческой расы. За исключением только кратких и случайных перерывов, на земле никогда не было мира. Когда история ещё не начиналась, земля была полна убийственных распрей» [17, с. 196]. Огромное количество человеческих жизней было брошено в горнило войны. Война в своём роде является концентрацией различных трудностей, переживаний, несчастий, преодоление которых требует сосредоточения душевных, физических и моральных сил человека. Все характеристики войны неразрывно связаны с её социальной стороной. Война — явление многоплановое, каждая историческая эпоха накладывает собственный отпечаток на характер войны и её базовые атрибутивные

свойства. Социальность войны подразумевает наличие таких свойств, которые детерминированы социальным развитием. Война представляет разновидность социальных практик. Деятельностный характер войны определяет причины её возникновения, её ход и результаты. Но, независимо от своих целей, задач и причин возникновения, война, по своей сути, является разновидностью социального конфликта. Конфликты между социальными группами — явление структурно встроенное в социальное пространство. Причины конфликтов разнообразны: среди них можно упомянуть социальные, религиозные, политические, экономические и правовые. Война выступает апогеем этих конфликтов и, как правило, это — конфликт между государствами. Об этом в своём фундаментальном труде

«О войне» писал прусский военачальник, историк и теоретик войны Карл фон Клаузевиц: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [8, с. 55–56]. Если политика не позволяет достичь определённых целей государства, наступает момент, когда в ход идут «иные средства», в основе которых лежит вооружённая борьба.

Для К. Клаузевица война — это странная тройца, составленная из «насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которую следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает её свободной душевной деятельностью; из подчинённости её политике в качестве орудия, благодаря чему она подчиняется простому рассудку» [8, с. 58]. Первую из трёх сторон он обращал больше к народу, вторую — больше к полководцу и его армии, третью — к правительству. Объясняя свою мысль, К. Клаузевиц писал: «Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах ещё до её начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели войны принадлежат исключительно правительству» [8, с. 58].

Война — это один из самых страшных социальных конфликтов, который является наивысшей стадией развития противоречий, возникающих между людьми, различными социальными группами и целыми народами. Для разрешения конфликтов до 95 % известных мировых обществ прибегали к войне, в которой наиболее страшной стороной являются человеческие жертвы [2, с. 20–21]. М. Лютер, характеризуя войну, отмечал: «Война — величайшее бедствие, которое может причинить страдание человечеству; она разрушает религию, государства, семьи. Любое бедствие предпочтительнее её» [1].

Война была ужасна всегда — ещё с самого первого появления четырёх потрясающих видов оружия: лука, пращи, кинжала (или короткого меча) и булавы, которые наряду с копьем являлись доминирующими в войнах вплоть до нынешнего тысячелетия [19, с. 18–19]. Если на земле и было золотое время, когда человечество не знало ни зла, ни ненависти, ни войн, то это время уже ушло и его уже никто не помнит [6, с. 119].

Можно предположить, что насилие и агрессия являются основополагающими характеристиками войны. А.В. Соловьев считает, что «...связь таких социальных явлений, как война и насилие, не вызывает особого сомнения

даже у обывателя» [14]. В войне происходит экстремальное выражение социального насилия, выражающееся в столкновении и противоборстве «...интересов и целей субъектов общественных отношений — государств, классов, этносов» [7, с. 41]. В.В. Остроухов полагает, что насилие — это «...специфическое социальное действие, с помощью которого отдельные индивиды, разные социальные группы и классы, общественные и государственные объединения боролись за своё существование, отстаивали и защищали собственные ценности и идеалы, культурное и материальное достояние, или же наоборот, осуществляли акты агрессии...» [9]. Насилие как характеристика войны может иметь как положительный, так и отрицательный смысл. В.В. Денисов считает, что насилие, присущее национально-освободительным войнам, то есть насилие, направленное на самозащиту и на спасение от агрессивных и насильственных действий захватчиков, можно определить как законное и оправданное [7, с. 44]. Н.Н. Герасимов отмечает, что «война — сложное явление, детерминированное социальным пространством, в котором происходит противоборство двух или более сторон с применением средств, преимущественно насильственного происхождения» [3, с. 12]. Насилие, несмотря на его различные виды, — основополагающая социальная характеристика войны. В.В. Денисов считает, что война является «...наиболее концентрированным и масштабным проявлением социального насилия. То, что создаётся многими годами человеческого труда и творческого разума, во время войн уничтожается вместе с творцами материальных и духовных богатств, превращается в руины. Плата за развязанные войны возрастала прямо пропорционально уровню развития научно-технического прогресса, внедрения его открытий в военную область. Войны становятся всё более кровопролитными и разрушительными» [7, с. 44].

Войну как социальное явление характеризует совокупность множества социальных элементов, связанных между собой, они формируют социальное пространство, которое можно назвать пространством войны. Е.Ю. Шакирова считает, что «...не существует некоего абсолютного социального пространства. Оно конструируется всякий раз и в определённой степени — это ментальная конструкция. В каждом конкретном случае социальное пространство может быть и одномерным, и многомерным с любым числом измерений, поскольку данное понятие используется для описания взаимосвязей различного рода,

существующих между социальными объектами, явлениями и процессами» [18, с. 27]. По мнению Н.Н. Герасимова, социальное пространство войны включает «...экономические, информационные, психологические, технологические, политические, культурные, аксиологические и др. — все они в своей совокупности образуют гетерономную целостность, которая приобретает свойства гомогенной, и имеющую собственные закономерности существования» [3, с. 25].

В социальном пространстве войны простые на первый взгляд понятия времени (часы, минуты и т. д.) и расстояния принимают иные значения. Пространство войны можно рассматривать, во-первых, как физическое явление и, во-вторых, как социальное явление, актуализирующее другие характеристики времени и пространства. Специфика любого социального пространства неразрывно связана со спецификой социального времени, которое является мерой изменчивости общественных процессов, исторически возникающих преобразований в жизни людей [16, с. 48]. Меры изменчивости пространства войны определяют кардинальные преобразования в научно-технической сфере, жизни людей, социальных групп и государств.

Время на войне измеряется не часами, минутами и секундами, а событиями, которыми оно заполнено. Время на войне течёт по абсолютно особым законам. Границы времени — жизнь и смерть, оно имеет экстремальную сущность [10, с. 6], что «...усиливает субъективность восприятия времени, ставит человека на „экзистенциальный рубеж“ между жизнью и смертью» [10, с. 7–8]. В связи с этим «...восприятие личностного времени как „местожища жизни“ становится обостренным, о времени задумываются („Сколько ещё осталось?“, „Как его использовать?“) при крайне ограниченных возможностях распоряжаться собой. Возникает потребность успеть что-то сделать, прочувствовать, сказать, написать письмо и т. д. Время на войне приобретает принципиально иную ценность» [10, с. 7–8]. Существенные изменения в любых сферах человеческого бытия возникают с началом войны, но никогда не заканчиваются с её окончанием. Н.А. Гулевская и А.Н. Гулевский отмечают, что «...любая война после своего окончания продолжает существовать как в индивидуальном, так и коллективном сознании народа» [4, с. 168].

Пространство на войне приобретает такие социальные параметры, которые детерминированы индивидуальными лично-психологическими особенностями человека и ситуации,

в которую он попадает. Протяженность пространства на войне не определена фактическим расстоянием, а в большей степени соотносима с опасностями, которые подстерегают человека на его пути [10, с. 12–13]. Е.С. Сенявская отмечает, что «...несколько метров под огнём неприятеля до укрытия, цели и т. п. превращались в бесконечность, в „пространство смерти“, которое невозможно преодолеть» [10, с. 13].

До начала войны человек существует в определённом узком пространстве (деревня, село, город, район и т. п.) и редко покидает место своего проживания. Война вырывает человека из его привычной среды обитания, она забрасывает его в «другой мир», в «другие края». Война даёт возможность по-новому воспринимать пространство «...в том числе ландшафта, как фактора защиты или опасности, трудностей передвижения и тягот быта, как препятствия на пути к миру и возвращению домой» [10, с. 14]. Е.С. Сенявская приходит к выводу, что «война в сознании человека всегда воспринимается как некий рубеж, особый отрезок жизни, отличающийся от всех остальных её этапов, в том числе во временном и в пространственном измерениях, что позволяет говорить о „времени и пространстве войны“ как о важных составляющих экзистенциального опыта участников боевых действий» [10, с. 16].

На войне гибнут люди, появляются бездомные и беженцы, снижается прожиточный минимум, люди голодают, участники войны получают не только физические, но психологические травмы. Всё это приводит к переоценке ценностей большой доли населения. К последствиям войны можно отнести нуждающихся в адаптации инвалидов и участников боевых действий, для которых появляются новые льготы и привилегии. Появляются новые памятные даты, обычаи и ритуалы. Это также определяет специфику последующей мирной жизни [13]. Так, война имеет своё начало, но не имеет своего конца, то есть пространство и время войны как социальные характеристики не имеют ни географических, ни временных в прямом понимании этих слов рамок.

Война является быстроразвивающимся социальным феноменом. Как считают многие исследователи, война была и остаётся «...мощнейшим локомотивом научно-технического прогресса» [11, с. 47–57]. В.В. Серебряников отмечает, что в рамках XX в. война «...претерпела самые глубокие изменения по социально-политическому содержанию, военно-техническому облику, характеру применяемого оружия, масштабам, разрушитель-

ности и истребительности, воздействию на жизнь общества» [11, с. 48].

Анализируя историю цивилизованных войн и военных конфликтов, В.И. Слипченко выделил шесть поколений войны, которые строго разделил на войны доядерного и ядерного периодов [12]. По его мнению, переход от одного поколения войны к другому спровоцирован развитием используемого вооружения. Он вводит понятие «революции в военном деле» [12], подчеркивая социальный характер войны.

В.Г. Ольшевский, И.И. Екадумова и А.В. Гламзда считают, что «...война сама по себе не является причиной научно-технического и социального прогресса, хотя можно обнаружить корреляцию между интенсивностью научных открытий, философского и социального творчества... Тем не менее, война как социальное явление не превращается в аномалию, а лишь трансформируется, утрачивая прежние и приобретая новые черты» [13].

Для С.А. Тюшкевича, война — сложное общественно-политическое явление, особое состояние общества и государства, особая, насильственная форма взаимоотношений государств и народов и особая, специфическая форма разрешения противоречий и спорных вопросов между ними. Применительно к содержанию войны он отмечает: «Содержание войны многогранно и противоречиво. Оно охватывает широкий круг процессов: вооружённую борьбу и всё то, что так или иначе её сопровождает, связано с ней. В содержание войны входит вся деятельность людей во время войны, направленная на достижение победы. В нём можно выделить: политическое содержание; вооружённую борьбу, то есть военные действия различных масштабов; процессы и факторы, которые обеспечивают достижение политических целей войны непосредственно или через обслуживание вооружённой борьбы» [15].

На социальность войны указывает и тот факт, что война связана со многими сферами деятельности человека: политической, общественной, религиозной, духовной, экономической, правовой и другими. Для К. Маркса основополагающими в войне являются экономические противоречия, для К. Клаузевица — политические. С. Хантингтон считает основанием войны несопоставимость культур, для М. Кревельда война — это культурное явление [5, с. 53]. А.Н. Гулевский, Н.А. Гулевская и Ю.П. Доронин приходят к выводу, что «...социальный подход в понимании войны включает в себя понимание войны:

1) как инструмента, обеспечивающего безопасность общества, освобождающего че-

ловека из царства необходимости и переводящего в царство свободы;

- 2) как следствия религиозных и общекультурных противоречий и способа их разрешения;
- 3) как инструмента политики;
- 4) как следствия экономических противоречий и способа их решения в формационном или цивилизационном контексте;
- 5) как борьбы за выживание народов в социальном и биологическом значении;
- 6) как порождения игры» [5, с. 53].

Социальность войны раскрывается также в том, что какую бы форму она ни приобретала, она всегда была, есть и будет коллективной формой борьбы, основанной на социальных связях. Воюющие стороны, вступая в военное противоборство, обретают свойственные социальным связям элементы: 1) мотивация сторон (политическое, экономическое, культурное доминирование); 2) ситуация актуализации социальной связи (обретение выхода к морю, получение плодородных земель, контроль над населением, вытеснение конкурентов с рынка и др.); 3) наличие согласованных действий сторон с чётким распределением ролей и статусов. На войне ведут борьбу коллективы, которые имеют социальные связи и социальным образом взаимодействуют между собой [5, с. 55]. Социальное взаимодействие, основанное на различии, определяет социальную сущность войны. Война по своей сути является результатом различных социальных противоречий как внутри государства, так и между государствами. При помощи войны решаются многие проблемы, присущие человеческому обществу на протяжении всей его истории, а это ещё раз доказывает, что война имела, имеет и будет иметь социальный статус.

Социальный характер войны независимо от времени его восприятия всегда оставался и будет оставаться неоспоримым фактом. Основными характеристиками социальности войны являются социальный конфликт, социальное насилие, социальное пространство и время войны, быстроразвивающийся научно-технический прогресс, социальное (коллективное) взаимодействие.

Литература

1. Афоризмы. Война и мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mydocx.ru/7-73629.html>. Дата обращения: 25.09.2018. [Aphorisms. War and peace [Internet]. Available from: <https://mydocx.ru/7-73629.html>. (In Russ.)]
2. Баяндылгырова В.Б., Артюшенкова Е.В. Война как социальное явление // Актуальные направле-

- ния научных исследований: от теории к практике. – 2015. – № 2. – С. 20–21. [Bayandylygrova VB, Artyushenkova EV. War as a social phenomenon. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovanij: ot teorii k praktike*. 2015;(2):20–21. (In Russ.)]
3. Герасимов Н.Н. Философский анализ образа войны в эпоху глобализации: дисс. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 2019. [Gerasimov NN. Filosofskij analiz obraza vojny v epohu globalizacii. [dissertation]. Volgograd; 2019. (In Russ.)]
 4. Гулевская Н.А., Гулевский А.Н. Место войны как социального явления в национальном сознании российского общества: философский анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4. – С. 165–170. [Gulevskaya NA, Gulevsky AN. The place of war as a social phenomenon in the national consciousness of russian society: a philosophical analysis. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*. 2015;(4):165–170. (In Russ.)]
 5. Гулевский А.Н., Гулевская Н.А., Доронин Ю.П. Анализ концепций войны как социального явления в философии // Философия права. – 2019. – № 4. – С. 50–57. [Gulevsky AN, Gulevskaya NA, Doronin YP. The analysis of concepts of war as social phenomenon in philosophy. *Filosofiya prava*. 2019;(4):50–57. (In Russ.)]
 6. Гулевский А.Н., Гулевская Н.А. Философский анализ сущности и природы войны // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 4. – С. 119–125. [Gulevsky AN, Gulevskaya NA. Philosophic analysis of meaning and nature of war. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*. 2009;(4):119–125. (In Russ.)]
 7. Денисов В.В. Философия насилия // Философия и общество. – 2008. – № 1. – С. 39–56. [Denisov VV. The philosophy of violence. *Filosofiya i obshchestvo*. 2008;(1):39–56. (In Russ.)]
 8. Клаузевиц К. О войне: пер. с нем. – М.: Логос; Наука, 1994. – 448 с. [Klauzevic K. O vojne: per. s nem. Moscow: Logos; Nauka; 1994. 448 p. (In Russ.)]
 9. Остроухов В.В. Насилие сквозь призму веков: Историко-философский анализ. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. [Ostrouhov VV. Nasilie skvoz' prizmu vekov: Istoriko-filosofskij analiz. Moscow: OLMA-PRESS; 2003. (In Russ.)]
 10. Сенявская Е.С. Время и пространство на войне // Историческая психология и социология истории. – 2010. – Том 3. – № 1. – С. 5–17. [Senyavskaya ES. Time and space at war. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*. 2010;3(1):5–17. (In Russ.)]
 11. Серебрянников В.В. Эволюция войны как социально-политического явления // Социология власти. – 2010. – № 4. – С. 47–57. [Serebriannikov VV. The evolution of a war as a social and political phenomenon. *Sociologiya vlasti*. 2010;(4):47–57. (In Russ.)]
 12. Слипченко В.И. Войны шестого поколения: Оружие и воен. искусство будущего [Электронный ресурс]. – М.: Вече, 2002. Режим доступа: <http://www.libros.am/book/read/id/52435/slug/vojny-shestogo-pokoleniya-oruzhie-i-voennoe-iskusstvo-budushhego>. Дата обращения: 28.01.2018. [Slipchenko VI. Vojny shestogo pokoleniya: Oruzhie i voen. iskusstvo budushhego [Internet]. Moscow: Veche; 2002. Available from: <http://www.libros.am/book/read/id/52435/slug/vojny-shestogo-pokoleniya-oruzhie-i-voennoe-iskusstvo-budushhego>. (In Russ.)]
 13. Современные войны: социально-экономические и политологические аспекты: пособие / В.Г. Ольшевский, И.И. Екадумова, А.В. Гламазда и др. – Минск: ВА РБ, 2010. – 124 с. [Sovremennye vojny: social'no-ekonomicheskie i politologicheskie aspekty: posobie. V.G. Ol'shevsij, I.I. Ekadumova, A.V. Glamazda, et al. Minsk: VA RB; 2010. 124 p. (In Russ.)]
 14. Соловьев А.В. Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2013. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 4. [Soloviev AV. War and violence: the experience of the theoretical and methodological analysis. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremya*. 2013;2(1):4. (In Russ.)]
 15. Тюшкевич С.А. Военная идеология: вопросы формирования // Военная мысль. – 2004. – № 4. [Tyushkevich SA. Military ideology: issues of formation. *Voennaya mysl'*. 2004;(4). (In Russ.)]
 16. Цвык И.В. Социальное пространство и время в контексте современной социокультурной динамики // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2010. – № 3. – С. 47–55. [Tsvyk IV. Social space and time in the context of modern social and cultural dynamics. *Vestnik RUDN. Seriya Filosofiya*. 2010;(3):47–55. (In Russ.)]
 17. Черчилль В. Мировой кризис: пер. с англ.; с предисл. И. Минца. – М.; Л.: Государственное военное изд-во, 1932. – 328 с. [Cherchil' V. Mirovoj krizis: per. s angl. Ed. by I. Minc. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe voennoe izd-vo; 1932. 328 p. (In Russ.)]
 18. Шакирова Е.Ю. Социокультурное пространство современности: социально-философский анализ: монография. – Саратов: КУБиК, 2014. – 218 с. [Shakirova EYu. Sociokul'turnoe prostranstvo sovremenosti: social'no-filosofskij analiz: monografiya. Saratov: KUBiK; 2014. 218 p. (In Russ.)]
 19. Ferrill F. The origins of war: From the stone, age to Alexander the great. London: Thames and Hudson Ltd.; 1985. 240 p.

■ Информация об авторе

Андрей Юрьевич Черепанов — старший преподаватель. Филиал Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Сызрань. E-mail: cherepanov-308@mail.ru.

■ Information about the author

Andrey Yu. Cherepanov — Senior lecturer of the Department of design and operation of helicopters and engines. A branch of the Military educational-scientific center of air force "Air force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin", Syzran, Russia. E-mail: cherepanov-308@mail.ru.

ТЕХНИКА В КУЛЬТУРЕ: ВОПЛОЩЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО И ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПРИРОДНОГО (Н.Ф. ФЁДОРОВ, П.А. ФЛОРЕНСКИЙ, Ф. ДЕССАУЭР)

Т.В. Бернюкевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», Москва

Для цитирования: Бернюкевич Т.В. Техника в культуре: воплощение божественного и преобразование природного (Н.Ф. Фёдоров, П.А. Флоренский, Ф. Дессауэр) // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7–8. – С. 31–36. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.31-36>

Поступила: 11.11.2020

Одобрена: 25.11.2020

Принята: 15.12.2020

▪ **Актуальность** темы исследования связана с интересом к наиболее важным религиозно-философским концепциям конца XIX — первой половины XX в., в рамках которых определялась миссия техники как особого способа возвращения к целостности бытия.

Целью статьи стало рассмотрение идей Н.Ф. Фёдорова, П.А. Флоренского, Ф. Дессауэра о роли техники в воплощении божественного замысла и преобразении мира.

В качестве основного **методологического подхода** в исследовании использовался компаративистский. Он способствовал не только раскрытию особенностей идей этих авторов, но и позволил сделать вывод об общих тенденциях определения онтологического статуса техники в религиозно-философских работах рассматриваемого периода.

В заключении статьи отмечается, что назначение техники в концепциях Н.Ф. Фёдорова, П.А. Флоренского, Ф. Дессауэра связывается с её возможностями преодоления распада и восстановления единства: человека с богом, божественного с природным, природного с социальным и т. п. — через культуру, понимаемую как деятельность человека, освящённая замыслом Творца.

▪ **Ключевые слова:** миссия техники; философия техники; онтологический статус техники; Н.Ф. Фёдоров; П.А. Флоренский; Ф. Дессауэр.

TECHNOLOGY IN CULTURE: EMBODIMENT OF THE DIVINE AND TRANSFORMATION OF THE NATURAL (N.F. FEDOROV, P.A. FLORENSKY, F. DESSAUER)

T.V. Bernyukevich

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia

For citation: Bernyukevich TV. Technology in culture: Embodiment of the divine and transformation of the natural (N.F. Fedorov, P.A. Florensky, F. Dessauer). *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(7-8):31–36. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.31-36>

Received: 11.11.2020

Revised: 25.11.2020

Accepted: 15.12.2020

▪ **The relevance** of the research topic is related to the most important religious and philosophical concepts of the late 19th — early 20th centuries, in which the mission of technology was defined as a special way of returning to the integrity of being.

The purpose of the article is to consider the ideas of N.F. Fedorov, P.A. Florensky, F. Dessauer on the role of technology in the embodiment of the divine purpose and the transformation of the world.

Comparative approach was used in the study as the main **methodological approach**. It contributed not only to the disclosure of the features of the authors' ideas, but also made it possible to draw a conclusion about the general trends in determining the ontological status of technology in the religious and philosophical works of the period under consideration.

In the conclusion of the article, it is noted that the purpose of technology in the concepts of N.F. Fedorov, P.A. Florensky, F. Dessauer is associated with its ability to overcome decay and restore unity: man with God, divine with natural, natural with social, etc. — through culture, understood as human activity, sanctified by the Creator's purpose.

▪ **Keywords:** mission of technology; philosophy of technology; ontological status of technology; N.F. Fedorov; P.A. Florensky; F. Dessauer.

Введение

Считается, что проблема отношений религиозного и технического стала появляться в дискурсе философии и теологии в первой половине XX в. Однако в истории русской философии в конце XIX в. развивается направление, в рамках которого техника рассматривалась не только как часть становления человеческой цивилизации, но и как часть богочеловеческого созидательного процесса. В данном случае речь идёт о русском космизме, в частности о трудах Н.Ф. Фёдорова. Для родоначальника русского космизма техника и техническая деятельность были частью проекта преобразования мира и человека, привнесения в природу разумности. При этом русский философ, безусловно, видел все недостатки утилитарных отношений природа – техника, однако в проективной философии Фёдорова техническим изобретениям, в том числе и военным, отводилась роль одного из важных элементов создания новой управляемой системы отношений человека и природы, включая задачу преодоления смерти.

В исследовательской литературе достаточно широко представлено рассмотрение концепции «органопроекции» [11]. В 1877 г. появилась работа Эрнста Каппа, которую можно считать одним из программных произведений философии техники. Идея органопроекции заключается в понимании технических орудий как проекции человеческого тела, его повторении в них. Русский философ П.А. Флоренский углубляет антропоцентризм в определении сущности технического [10] и полагает, что в способности создавать орудия воплощается сущность человеческого как часть более широкого культурного, он видит в этом один из способов антропоидеи как таковой, антропоидеи, неразрывно связанной у русского религиозного философа с теодицеей.

Концепция философии техники Ф. Дессауэра основывается на особом понимании онтологического статуса техники, её роли в становлении Бытия, соотнесении божественного, человеческого и технического. С одной стороны, это связано с его теологическим творчеством, с другой — с его общим пониманием техники как мира, обладающего особой созидательной сущностью. Исследователи отмечают оригинальность концепции Дессауэра, которая «не укладывается в “практико-прагматические” стандарты объяснения природы техники, её назначения, а главное — её сущности в современной ему и нам литературе» [7]. Сам философ отмечал близость своих взглядов платонизму, а его современник

и исследователь его творчества К. Тюхель писал, что «сегодня нет или почти нет мыслителей, кто думал бы аналогичным образом» [7].

Исследованиям по философии техники у Ф. Дессауэра посвящены монографии «Философия техники. Проблема реализации» (1927) и «Спор о технике. Краткое изложение» (1956 г., на русском языке издана в 2017 г.) [4]. Во второй монографии Дессауэром изложено не только философское, но и теологическое понимание техники.

Предполагается, что постановка вопроса о понимании техники, как пути воплощения божественного и преобразования природного, важна не только для понимания роли техники в мире и жизни человека и прояснения ряда историко-философских вопросов, но и для определения места этих вопросов в контексте существования культуры и выявления онтологического статуса техники.

Методология и методы исследования

Для установления связей религиозного и технического, особенностей формирования онтологии техники через определения её культурно-антропологических целей в ряде работ таких известных философов, как Н.Ф. Фёдоров, П.А. Флоренский, Ф. Дессауэр, используется компаративистский подход, позволяющий выявить не только специфику этих вопросов в их творчестве, но и рассмотреть общие вопросы связи техники и задач переустройства мира, которые в период конца XIX — начала XX в. интересовали философов. Анализ этих вопросов в рамках тенденций развития культуры не только на рубеже прошлых веков, но и в контексте проблем современности, позволяет актуализировать вопрос об отношении в культуре её разных элементов и о типах этих отношений. Определение направленности дискуссий о религиозном и техническом в философии техники не может быть осуществлено без историко-философской реконструкции идей, придающей этому анализу содержательность и конкретность.

Результаты исследования

Результатом проекта «регуляции природы» Н.Ф. Фёдорова должен был стать новый этап развития мира, на котором человечество по-настоящему может этим миром управлять. И именно на этом этапе: «Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою» [12]. Для того чтобы осуществить такую регуляцию необходимо изучить общепланетарный порядок, понять естественный ход

природных процессов регуляции, научиться их организации. Только тогда разумной станет сама природа, изменится стихийный природный мир, произойдёт его радикальное преобразование.

Без этого внесения разума в сам способ природного существования техническая деятельность будет лишь временным решением насущных проблем человечества. Успехи её будут лишь видимостью, частью которой станут несчастные случаи и техногенные катастрофы: «Мы не обольщаемся мнимыми успехами, тем, что нынче называется торжеством над природой и не эти мнимые успехи заставляют нас приписывать науке ту важную роль, которую ей предстоит совершить. Взять ведро воды и, обратив его в пар, заставить работать, это не значит одержать победу над ведром воды. Нужно видеть, как эта побеждённая сила рвёт пальцы, руки, ноги у прислужников машин, чтобы померить свои восторги; очевидно, что эта сила не наша ещё, не составляет нашего органа. Конечно, и истребление топлива (без восстановления его), необходимое при упомянутом торжестве над природой, тоже можно причислить к победам, но к победам, конечно, Пирра» [12, с. 424].

По мнению Н.Ф. Фёдорова, помимо изобретения «искусственных приставок к своим органам» необходимо развитие самих человеческих органов и даже их кардинальное изменение. Достижение этой цели без совершенствования техники невозможно. И только тогда, когда человек «будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул» и «будет способен жить во всех средах, принимая всякие формы», ему «будут доступны все небесные пространства, все небесные миры» [12, с. 501].

Есть у Фёдорова и идеи соотнесения органов и технических изобретений [1]. К примеру, такая мысль присутствует у него в описании аппарата для управления Солнечной системой путём регуляции электрической силы. Электричество отождествляется им с нервной системой, а состояние Солнечной системы с организмами, в которых «нервная система ещё не образовалась, не отделилась от мускульной и других систем». Поэтому для гармонизации всей Вселенной необходимо «устройство такого регулирующего аппарата», которое изменит пока ещё слепую, несущую смерть Солнечную систему [13].

Сам проект радикального изменения человека и глобального преобразования природы и Вселенной, в том числе и с помощью технических изобретений, мыслился русским религиозным философом как следование божествен-

ному замыслу. Его невозможно осуществить без «общего дела» — построения общества на основе новых нравственных отношений, преодоления «неродственных отношений» между людьми и между людьми и природой, исполнения «сыновнего долга». По существу, это становление особой культуры путём создания и осознания новых мировоззренческих универсалий, которые становятся основой всей системы культуры: от семейного уклада, школьного образования до создания техники для управления и освоения Вселенной.

Понимание техники у Павла Флоренского также нельзя рассматривать вне контекста отношений природы и культуры. Флоренский так определяет это взаимосуществование природы, человека и культуры: «Ведь культура никогда не даётся нам без стихийной подосновы своей, служащей ей средою и материей: в основе всякого явления культуры лежит некоторое природное явление, культурою возделываемое. Человек, как носитель культуры, не творит ничего, но лишь образует и преобразует стихийное» [14].

Однако и природа в том виде, в котором мы её воспринимаем, — это природа в «культурной форме», поскольку только такая природа, по мнению Флоренского, нам доступна. Именно культурная форма, «служащая ей сдержкой», делает возможным познание, освоение природы: «Подобно тому, как пища не входит в состав нашего организма, не будучи сперва усвоена организмом и преобразована им в наше тело, так и природа не входит в наш разум, не делается достоянием человека, творца культуры, не преобразованная предварительно культурною формою» [14, с. 375–376].

Вероятно, в этом ракурсе технику можно определить как особую культурную форму природного. В таком случае антропоцентризм концепции органопроекции техники у Флоренского одновременно и природосообразен, и культуроцентричен.

Анализируя антроподицею Флоренского и стремясь к обоснованию её целостности и связи с теодицеей, игумен Андроник (Трубачёв) формулирует «обобщённые выводы» относительно этой концепции Флоренского. Согласно им: «Оправдание человека совершается: 1) в строении человека как образа Божия и в его изволении проходить жизненный путь в соответствии с Божией волей, с Богом данным уставом, архетипом; 2) в освящении человека, когда он из грешного становится освящённым, святым; 3) в деятельности человека, когда сакральная (культурная, литургическая) деятельность является первичной и освящает мировоззрение

(науку и философию), хозяйство и искусство» [14, с. 8–9]. Философию техники Флоренского можно связать с первым и вторым тезисами этих выводов.

В настоящее время достаточно изучена и активно обсуждается концепция «органопроекции» П. Флоренского. Исследователи отмечают идеи русского религиозного философа о том, что «органопроекция расширяет границы тела, это удел человека после грехопадения, оторвавшего человека от мира, проложившего между ними границу. Создавая орудия, человек преодолевает эту границу, восстанавливая с миром связь. Орудие и орган — две линии воплощения одной идеи... Орудие и орган имеют одну цель, призваны решать конкретную задачу в ответ на конкретную потребность, их схожесть обусловлена выполняемой функцией, она не поверхностна, потому между ними всегда имеется морфологическое сходство» [9, с. 135].

Довольно часто при анализе идей Флоренского превалирует рассмотрение технологического-морфологического аспекта «органопроекции». Однако по большому счёту «органопроекция» — это собственно культурный способ достижения единства бытия, заданного Богом и потерянного самим человеком. «Полу-существование, полу-бытие и полунепбытие» органов и функций Адама после грехопадения восстанавливается через культуру [14, с. 438].

С.М. Половинкин отмечает, что Флоренский понимает слово «тело» в широком и узком смыслах. «В первом случае это всё организованное человеком “пространство жизненных отношений”; тело в узком смысле — “небольшая часть пространства, непосредственно пронизываемая энергией жизни, микрокосм, а не весь макрокосм”» [8, с. 88]. В этом контексте создание орудий по аналогии с функциями органов — символическое воплощение единства самого человеческого организма через становление его в культуре путём преобразования природы и создания особых культурных форм — орудий — как органопроекций: «Душа – Тело – Изображения — вот пояснение органопроецирования, как деятельности символизации» [14, с. 438].

Флоренский пишет, что «понять символ орудие — это значит узнать в нём луч жизни, его образующий, и усмотреть связь этого символа-орудия с другими символами-орудиями» [14, с. 427]. Деятельность человека связана с его творческим началом. Половинкин утверждает, что у Флоренского «творческие недра» человека, проектируемые вовне, — «органы» и «орудия» [8, с. 119].

При этом «совокупность орудий есть наше хозяйство», которое, по сути, «совокупность наших внутренних движений — совокупность символов нашего духа» и «всё то, что не есть образ духа, — не есть и часть хозяйства» [14, с. 427]. Создание техники и антропо-, и культуроцентрично, и в совокупности есть соответствие Божьему промыслу. Поскольку цель культуры, по Флоренскому, да и сама культура — это та самая деятельность, которая включает в себя и науку, и философию, и хозяйство, и искусство, в ней всё названное освящается первичной сакральной деятельностью. Флоренский метафорически описывает связь организмов и орудий через форму — органопроекцию: «Можно сказать, что формами своими — как спинами — организмы и орудия соприкасаются друг с другом. Лица же их — содержание этих форм — смотрят в разные стороны. Культура в этом смысле, как совокупность организмов и орудий, есть двуликий Янус. И одно лицо этого Януса смотрит на метафизическое Время, другое — на метафизическое Пространство, соприкасаются же они между собой формою, то есть явлением в эмпирическом времени и эмпирическом пространстве» [14, с. 454].

Половинкин считает, что, согласно идеям Флоренского, «природа является совокупностью вещей, культура — совокупностью деятельностей-энергий человека» [8, с. 258], и «целеполагающая Воля человека делает из объекта природы объект культуры» [14, с. 22]. Связность культуры, по Флоренскому, определяется «царством целей»: «Отсюда единство — то, что заменяет закономерность. Культура — целое, целостное» [14, с. 23]. В этом случае «историческая задача техники — сознательно продолжить своё органопроецирование, исходя из решений, даваемых бессознательным телостроительством души» [14, с. 417]. Именно это «телостроительство души» в пространстве и позволяет вернуться к целостности и единству и самого человека, и природы, и культуры.

Сама техника в этом случае становится фактором и условием познания человека, его тела и функций. Особенности человеческих органов проясняются в «технических проекциях», а «технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему самопознанию», так как в технике открываются «ещё не исследованные стороны жизни» [14, с. 421]. Следовательно, мы можем говорить о прогностических функциях техники в отношении изучения органической жизни. Генезис и развитие тела человеческого полагаются самим «устремлением жизни», которое «в порядке

органическом, взятом совне, являет себя в качестве создаваемого им органа, оно в порядке орудийном, опять совне взятом, — строит орудие, технику, цивилизацию» [14, с. 422].

Органопроекция как направление в достижении потерянной полноты бытия человека в пространстве культуры есть часть и высшей цели Культуры и часть «единого организма целей, высшего единства целей, царства целей, возглавляемого Целью всех целей, Богом» [14, с. 23]. В этом случае, пишет Флоренский, взаимосвязь природы и культуры воплощается следующим образом: «Общности (схожести) природы через закономерность соответствует живое единство культуры через целестремительность» [14, с. 23].

Понимание техники в XX в. претерпевает значительные изменения. «От техники как “всякого обращения наружу, всякого воздействия на материю” у П.К. Энгельмейера к технике Ф. Дессауэра как “реальному бытию из идей посредством целевой организации и обработки из данных природой запасов” и к системно-теоретической модели Г. Рополя, где о техническом речь может идти тогда и только, когда “предметы искусственно изготавливаются человеком и применяются с определёнными целями”», — пишет современный исследователь семиотики техники и переводчик трудов немецкого философа техники Ф. Дессауэра [2] А.Ю. Нестеров [5, с. 93].

Генезис техники и её онтологический статус у Ф. Дессауэра определяется способностью созданного Богом бытия к развитию, воплощению в разных формах [6]. Движение бытия связано и с деятельностью человека, в том числе с созданием техники: «Нам следует понимать свидетельство о творении книги Бытия так, что творец не придал созданному им жёсткие формы, но снабдил его способностью и законом развёртывания... Этим обусловлено продолжение творения природы с помощью человека посредством техники. Техника фактически изменила „облик Земли“, земную поверхность» [4, с. 162].

Дессауэр различает и одновременно пространственно соединяет «каузальное царство природы» и «финалистское царство техники». Он ярко демонстрирует это, описывая полёт самолёта [4, с. 163].

Идеи Флоренского и Фёдорова можно сравнить с размышлениями немецкого философа о воплощении Божественного замысла «посредством человека, способного продолжить творение» [4, с. 164]. Дессауэр пишет, что при таком понимании «текста первой главы книги Бытия техническое творчество действительно утверждается как осуществление намерения

творца, как богоугодное дело, оправдывается этически, наделяется ценностью и достоинством, но вместе с тем и обременяется ответственностью, которую возлагает такой завет» [4, с. 164]. Он уверен, что в теологической перспективе техника «остаётся миссией, поручением творца, использующего человека в своих целях» [4, с. 165].

Фридрих Дессауэр в своей книге «Спор о технике» причины недоверия теологов к технике видит в том, что в прошлом «сотворение понималось как “создание готовым” из ничего». Однако, по его мнению, человечество получает новые знания о развитии мира, к ним он относит знания о процессах в космосе, результаты биологических исследований, разработку самих методов и средств познания, этот прогресс в познании он связывает с изобретениями техники, с помощью которых меняется картина мира — «облик Земли» [4, с. 161]. Создание техники и её совершенствование выступают как воплощение способности мира к становлению — способности, заданной Творцом и реализуемой через творчески-техническую деятельность человека.

Заключение

Рассмотрение идей Н. Фёдорова, П. Флоренского и Ф. Дессауэра о технике как особом способе воплощения замысла творца и преобразования природы через человека, реализующего потенциал божественного творения в культуре как пространстве технических изобретений, позволяет сделать ряд обобщений. Излагая их, следует указать, что речь идёт о религиозно-философских и теологических идеях. При этом само понимание и определение техники как части и ценности культуры у этих авторов близко и современным идеям философии техники [3].

Итак, понимание техники как способа воплощения божественного замысла связано у этих мыслителей с пониманием мира как становящегося, способного к развитию и совершенствованию. Вероятно, такое понимание обусловлено как современными им достижениями науки, так и способом их проективного осмысления в теологии и в религиозно-философских учениях конца XIX — первой половины XX в.

Антроподицея, которая, разумеется, концептуально по-разному представлена у Фёдорова, Флоренского и Дессауэра, во многом определялась у них признанием способности человека связать распадающийся мир, соединить его части (божественное, природное и человеческое). Это, с одной стороны, было

возвращением к целостности мира и человека, потерянной после грехопадения. С другой, давало возможность задать миру новый вектор развития, найти особые формы его непрерывного становления, возможности расширения масштабов этого становления до космических, способы сущностного природного и социально-антропологического преобразования.

Техника в этом случае выполняет миссию преодоления распада и восстановления мирового единства: человека с богом, божественного с природным, природного с социальным и т. п. — через культуру, понимаемую как деятельность человека, освящённая замыслом творца.

Литература

1. Алексеева В.И. Мир техники в философии русских космистов: А.В. Сухова-Кобылина, Н.Ф. Фёдорова, П.А. Флоренского, К.Э. Циолковского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gmik.ru/2017/10/02/mir-tehniki-v-filosofii-russkih-kosmistov-a-v-suhovo-kobyilina-n-f-fedorova-p-a-florenskogo-k-e-tsiolkovskogo>. [Alekseeva V.I. Mir tehniki v filosofii russkih kosmistov: A.V. Suhovo-Kobyilina, N.F. Fedorova, P.A. Florenskogo, K.E. Ciolkovskogo [Internet]. Available from: <http://www.gmik.ru/2017/10/02/mir-tehniki-v-filosofii-russkih-kosmistov-a-v-suhovo-kobyilina-n-f-fedorova-p-a-florenskogo-k-e-tsiolkovskogo>. (In Russ.)]
2. Бернюкевич Т.В. Рецензия на монографию А.Ю. Нестерова «Семиотические основания техники и технического сознания» // Гуманитарный вектор. — 2018. — № 3. — С. 197–200. [Bernjuevich T.V. Review of A.Yu. Nesterov's monograph "Semiotic bases of technique and technical consciousness". *Gumanitarnyj vektor*. 2018;(3):197–200. (In Russ.)]
3. Дессауэр Ф. Спор о технике: монография / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. — Самара, 2017. — 266 с. [Dessauer F. Spor o tehnike: monografija / per. s nem. A.Ju. Nesterov. Samara; 2017. 266 p. (In Russ.)]
4. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. — Самара, 2017. — 155 с. [Nesterov A.Ju. Semioticheskie osnovanija tehniki i tehničeskogo soznanija. Samara; 2017. 155 p. (In Russ.)]
5. Нестеров А.Ю. Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «Четвёр-

тое царство» Ф. Дессауэра // Онтология проектирования. — 2016. — Т. 6. — № 3 (21). — С. 377–389. [Nesterov A.Ju. Epistemological and ontological problems of the philosophy of technology: "The fourth kingdom" of F. Dessauer. *Ontologija proektirovanija*. 2016;6(3(21)):377–389. (In Russ.)]

6. Павленко А.Н. Возможность техники. Часть III. Технический проект Фридриха Дессауэра // Историко-философский ежегодник. — 2007. — С. 325–351. [Pavlenko AN. The possibility of Technology. Part III. Technical project of Friedrich Dessauer. *History of philosophy yearbook*. 2007:325–351. (In Russ.)]
7. Половинкин С.М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. — М.: Москва, 2015. — 362 с. [Polovinkin SM. Hristianskij personalizm svjashhennika Pavla Florenskogo. Moscow: Moskva; 2015. 362 p. (In Russ.)]
8. Седых О.М., Хаменков М.А. Органопроекция: русский контекст // Философия науки и техники. — 2016. — Т. 21. — № 1. — С. 132–151. [Sedyh OM, Hamenkov MA. Organ projections: russian context. *Philosophy of science and technology*. 2016;21(1):132–151. (In Russ.)]
9. Скачков А.С. Общественная автотрофность в двух ракурсах философии техники // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 309. — С. 39–45. [Skachkov AS. Autotrophy of mankind. *Tomsk State University Journal*. 2008;(309):39–45. (In Russ.)]
10. Терешкун О.Ф. Антропологическое осмысление техники (Э. Капп и П. Флоренский) // Приволжский научный вестник. — 2013. — № 9. — С. 46–53. [Tereshkun OF. Anthropological comprehension of technology (E. Kapp & P. Florensky). *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. 2013;(9):46–53. (In Russ.)]
11. Фёдоров Н.Ф. Сочинения. — М.: Мысль, 1982. — 709 с. [Fedorov NF. Sochinenija. Moscow: Mysl'; 1982. 709 p. (In Russ.)]
12. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. — Т. 1. — М.: АСТ, 2003. — 699 с. [Fedorov NF. Filosofija obshhego dela. Vol. 1. Moscow: AST; 2003. 699 p. (In Russ.)]
13. Флоренский П. Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 2000. — Т. 3 (1). — 623 с. [Florenskij P. Sochinenija. In 4 vol. Moscow: Mysl'; 2000;3(1). 623 p. (In Russ.)]
14. Горохов В.Ф. Техника как ценность культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 10–5. — С. 127–132. [Gorohov VF. Tekhnika kak tsennost' kul'tury. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2015;(10–5):127–132. (In Russ.)]

■ Информация об авторе

Татьяна Владимировна Бернюкевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии. ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», Москва.
E-mail: bernyukevich@inbox.ru.

■ Information about the author

Tatiana V. Bernyukevich — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy. Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia. E-mail: bernyukevich@inbox.ru.

ДЖИХАД: ОТ СЛОВА К КУЛЬТУРНОЙ УНИВЕРСАЛИИ

Н.С. Кузьменко

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Для цитирования: Кузьменко Н.С. Джихад: от слова к культурной универсалии // *Аспирантский вестник Поволжья*. – 2020. – № 7–8. – С. 37–43. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.37-43>

Поступила: 10.10.2020

Одобрена: 05.11.2020

Принята: 15.12.2020

В статье проанализированы распространённые интерпретации понятия «джихад» в качестве священной войны, войны с неверными, а также менее известные — борьба, усердие, старание. Его многозначность определяется невозможностью однозначного определения джихада. Автором предпринята попытка реконструкции и группировки подходов к определению джихада, на основе которых джихад предложено понимать в качестве идеи, которая реализуется в практиках различных уровней в зависимости от социокультурного контекста. Выделенную автором в разнообразии значений джихада коннотативную константу — «усердие» («усердие на пути») — предложено признать культурной универсалией, которую можно обнаружить в разных культурах и практиках.

Ключевые слова: джихад; священная война; борьба; идея джихада; усердие; усердие на пути; культурная универсалия.

JIHAD: FROM THE WORD TO THE CULTURAL UNIVERSAL

N.S. Kuzmenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

For citation: Kuzmenko N.S. Jihad: From the word to the cultural universal. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(7-8):37–43. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.37-43>

Received: 10.10.2020

Revised: 05.11.2020

Accepted: 15.12.2020

The article analyzes the widespread interpretations of the concept of “jihad” as a holy war, a war with the infidels, as well as lesser known ones — struggle, diligence, effort. Its ambiguity is determined by the impossibility of an unambiguous definition of jihad. The author has made an attempt to reconstruct and group approaches to the definition of jihad, on the basis of which jihad is proposed to be understood as an idea that is implemented in the practices of various levels, depending on the sociocultural context. The connotative constant highlighted by the author in the variety of meanings of jihad — “effort” (“effort in the way”) — is proposed to be recognized as a cultural universal that can be found in different cultures and in practices.

Keywords: jihad; holy war; struggle; the idea of jihad; effort; effort in the way; cultural universal.

В современном повседневном опыте слова «джихад», «шахид», «моджахед» — одного смыслового ряда. Джихад — «война с неверными», «священная война мусульман». Шахид — фанатик-смертник, приводящий в действие взрывчатку в метро, в торговом центре. Моджахед — бородатый террорист, в одной руке которого Коран, в другой — автомат; всё сметающий на пути установления шариатского халифата. Всё это уровень обытового использования понятий и категорий культуры Другого. Мы узнаём Другого или, вернее, полагаем, что мы узнаём Другого. Но из того, каким он является в нашем представлении, в нашей культуре и традиции, не следует, что таким он является на самом деле.

Знакомство с культурой Другого происходит прямо (непосредственно) при «включении», вхождении в культуру и опосредованно — при обращении к результатам исследований, осмыслений, знакомств предшественников. Поставив задачу прояснения смысла джихада, мы обратились к источникам, по-разному его репрезентирующим. Джихад представляет явление, зародившееся и укоренившееся в арабо-мусульманском мире, но с течением времени вышедшее за пределы своей культуры и обретшее внешнюю направленность. В связи с этим обстоятельством, в нашем исследовании джихад рассматривается с двух условных позиций: 1) ориенталистской — как мы представляем, описываем, понимаем его (под

«мы» — считаются представители не арабо-мусульманской культуры); 2) окциденталистской — то, чем джихад является на самом деле, в действительности. Арабо-мусульманский мир насчитывает, как минимум, 13 подвидов джихада с указанием действующего субъекта (кому надлежит его вести), способов и средств исполнения. Не арабо-мусульманский мир высматривает в джихаде «священную войну», при этом часто указывая в качестве этимологической компоненты «усердие». Именно это обстоятельство вскрывает коммуникативный зазор — разницу смысла и значения. Прежде джихад не рассматривался, во-первых, как идея (а только лишь как многочисленные практики), а во-вторых, константа джихада в качестве усердия на пути не выводилась в качестве культурной универсалии при компаративном анализе инокультурного материала.

Из-за поверхностного понимания феноменов арабо-мусульманской культуры и соответствующего тиражирования ложных псевдоисламских коннотаций возрастает и множится уровень исламофобии как в Российской Федерации, так и в мире. Проще объявить то, что непонятно — неразумным, нерациональным, диким. Взгляд на другую культуру, знакомство с Другим вскрывает некоторое схожее отношение, позиции (а возможно, и основания) культуры. Так, угрожающий Чужой при близком рассмотрении оказывается на поверку совсем не таким Чужим и опасным.

В отношении слова «джихад» у современного обывателя сформирован устойчивый ряд ассоциаций: взрывы в торговых центрах, убийства, захват людей, потоки беженцев как неизбежное следствие священной войны мусульман, их войны с неверными. По нашему мнению, реки крови, отрезанные головы, орды беспощадных фанатиков, политические катаклизмы, смены правительств, геополитические столкновения, религиозные конфликты — это тоже последствия джихада, который ведётся исламскими фундаменталистами. Необходимость постоянно помнить об угрозе терроризма, ограничения личных свобод при досмотре на транспорте, изменения в законодательстве — это тоже реакция на джихад исламистов. Этим стереотипам трудно противостоять, их устойчивость пропорциональна обывательскому страху перед чужаками, однако изучение этого слова в качестве термина, его анализ и интерпретация дают нам более сложную картину: выясняется, что термину «джихад» даётся довольно длинный ряд словарных значений, а ряды эти могут отличаться в зависимости от словаря. Каков же объём и значение понятия «джихад»?

Цель статьи — подойти к **решению проблемы значения этого понятия**. Для достижения этой цели мы проанализируем словарное бытие термина «джихад»: 1) составим ряд наиболее устойчивых значений, 2) определим зависимость членов этого ряда от тематики, направленности словаря и его авторов, 3) отметим факторы, способствующие закреплению стереотипов в его понимании, а затем 4) свяжем значение термина с понятием «культурная универсалия».

Слово «джихад» встречается в словарях различной тематики, куда включаются собственно исламские, исторические, политологические, религиоведческие, философские, посвящённые борьбе с терроризмом и экстремизмом и вполне обычные толковые словари. При этом в одних словарях приоритет принадлежит крайне негативным, **«воинственным»**, дефинициям джихада («священная война», «война с неверными»), в других — **«мирным»** трактовкам («усердие», «приложение усилий»). В обычной словарной статье приводятся как те, так и другие значения, разница заключается в месте, которое то или иное значение занимает в списке (первое/второе или вообще единственное), в наличии пояснений, примечаний, исключений использования.

В совокупности значений термина «джихад» чётко видны две полярные группы, которые назовём соответственно «воинственной» и «мирной». В нашем исследовании представлена ещё одна группа, срединная («миксовая»), в которой явно выделить одно приоритетное значение не представляется возможным. При упрощённом делении на две контрастные группы, значения этого блока могут быть отнесены к любой из двух. Мы же выделяем эту промежуточную группу не в силу её нейтральности или объективности, а, напротив, как сочетающую противоположные характеристики. Что обуславливает ранжированное «местоположение» значения в словарной статье? Какой принцип определяет место этого многозначного термина и почему некоторые словари содержат только одно-вариантное его толкование? Очевидно, что здесь дело в тенденциозности автора статьи, частоте употребления этого термина, его распространённости в конкретных обстоятельствах, среде, эпохе и пр. Большое значение имеет даже не тематическая направленность словаря, а автор-составитель статьи, который делает акцент на тех или иных характерных признаках определяемого термина и, соответственно, явления, которое за ним стоит. При этом нельзя сказать, что одни определения — правильные, а другие — нет. Словарная статья

представляет определённый срез: этимологию, исторические трансформации, отсылки к синонимам или связанным темам. Нам важно, проанализировав и обобщив различные значения джихада, прояснить саму идею, которую репрезентируют словарные толкования и социокультурные контексты.

Джихад включён в сферу исследований различных областей гуманитарного знания, этот компонент исламской культуры описывается разными языковыми средствами. Мы рассмотрели 17 словарных статей и поделили на три группы: к первой отнесены определения джихада как вооружённой практики («священной войны»), ко второй — как «позитивные», так и «кровавые» определения, в третьей представлены статьи с доминирующим значением джихада в качестве «усердия». Принцип выборки словарных статей — привлечение как специалистов исследуемой области, так и разносторонних деятелей гуманитарной сферы, не связанных с исламоведением, арабистикой и пр. — историков, политологов, культурологов и др., которые поверхностным и стереотипным отображением вносят свою лепту в формирование и тиражирование джихадистской повестки.

Итак, джихад в качестве **вооружённой практики** определяют:

- «Большой толковый словарь русского языка» [8] — предписанная Кораном «священная война против неверующих, язычников с целью распространения ислама»;
- «Народы и культуры» [9] — предписанная исламом священная война, война за веру, которая предусматривает *любые* средства распространения и утверждения мусульманской веры;
- «Большой толковый словарь по культурологии» [7] — священная война, которую, по Корану, должны вести мусульмане против противников ислама;
- словарь Брокгауза [4] — религиозная война у мусульман. В статье указаны потенциальные участники («всякий способный носить оружие мусульманин») и мученики, павшие в бою;
- «Encyclopaedia Britannica» [20] — религиозная обязанность, возложенная на мусульман, в деле распространения ислама путём ведения войны (by waging war). Джихад означает любой конфликт, ведущийся за принцип или верование (waged for principle or belief), и часто переводится как «священная война»;
- «Средневековый мир в терминах, именах и названиях» [14] — священная война за ислам, санкционированная Кораном.

- Участники джихада, павшие в бою, сразу и навсегда попадают в рай, минуя страшный суд;
- «Советская историческая энциклопедия» [13] — «священная война», в которой по предписаниям Корана (не вполне ясным и противоречивым) полагается участвовать каждому боеспособному мусульманину;
- «Большая энциклопедия по психиатрии» [5] — священная война мусульман против «неверных». Вариант иероцентризма. Синонимом выступает газават.

В этой группе статей этимология слова связывается со «столкновением», «борьбой» [8], «усердием», «рвением» [9], «struggle», «battle» [20], «старанием» [14], «старанием, рвением, борьбой» [13]. «Encyclopaedia Britannica» разграничивает четыре способа исполнения джихада: 1) сердцем (духовное очищение своего сердца, борьба с дьяволом и преодоление его побуждения ко злу); 2) языком; 3) рукой (поддержка правильного и исправления неправильного); 4) мечом (ведение физической войны против неверующих и врагов исламской веры). Также указывается, что современный ислам акцентирует внимание на ведении войны с самим собой (waging war with one's inner self) и санкционирует войну с другими народами только в качестве защитной меры, когда вера находится в опасности. В источнике «Средневековый мир...» [14] подчеркивается, что уже в средневековье «появились толкования джихада как духовного самоусовершенствования на пути к Аллаху».

Вторую группу значений джихада представляют:

- «Encyclopedia of Islamic Civilization and Religion» [18] — личные усилия (personal effort), стремление использовать все свои способности в ответ на призыв Бога участвовать в неустанной борьбе (unremitting struggle) против неверующих и неверия. В неискламском мире джихад обычно понимается как война (Священная война). Это духовная исламская концепция (spiritual Islamic concept), которая на 9/10 состоит из борьбы с собой, а на 1/10 — с врагами ислама (The holy war has ten parts: one is fighting the enemy of Islam, nine are fighting the self);
- «The Oxford Dictionary of Islam» [21] — борьба против злых склонностей (evil inclinations), стремление обратить неверующих или борьба за моральное улучшение исламского сообщества. Также отмечается, что джихад — единственная узаконенная война в исламе, которая тщательно контролируется исламским правом. Она объявляется должным образом установленной государственной властью (It must be called by

a duly constituted state authority), этой войне должен предшествовать призыв к исламу или договору, и она не ведётся с некомбатантами;

— «Encyclopedia of Islam» [19] — стремление или борьба (на пути Бога); часто это относится к религиозно санкционированной войне;

— «Ислам: Энциклопедический словарь» [6] — «борьба за веру», тождественная «борьбе на пути Аллаха» («джихад фи сабили-ллах»). Указывается, что джихад без уточнений означает борьбу с неверными во имя торжества ислама, и в данном случае его синонимами у мусульман выступают фатх и газават, а у немусульман — «священная война». Джихад считался одной из главных обязанностей мусульманской общины и предписывался к ведению «путём нанесения ударов, изъятия собственности неверных, разрушения их святилищ, уничтожения их идолов и т. п.».

«The Oxford Dictionary of Islam» [21] указывает, что джихад происходит от арабского корня, означающего «стремиться» (to strive), «напрягать силы» (to exert), «сражаться» (to fight). В источнике «Encyclopedia of Islam» [19] отмечено, что джихад не всегда означал настоящую войну (actual warfare). С XII в. суфии определяли его с духовной точки зрения, имея в виду внутреннюю борьбу человека против неверия и греха (individual's inner struggle against unbelief and sin) или борьбу общества (society's struggle) за то, чтобы привести исламское сообщество в соответствие с законами Бога. В словаре «Ислам: Энциклопедический словарь» [6] представлена шестичастная классификация джихада, в основании которой лежит объект вооружённой борьбы: 1) против «врагов Аллаха»; 2) против внешних агрессоров; 3) против вероотступников; 4) против «притеснителя»; 5) против разбойников; 6) против немусульман-единобожников, которые отказываются платить налог-джизью.

В **третьей группе** мы поместили определения, в которых приоритетным значением является «усердие»:

— «Исламский энциклопедический словарь» [1] — «усилие, борьба за то, что является для человека самой благородной и возвышенной целью на земле». Борьба эта предписывается каждому мусульманину и только в случае крайней необходимости может выражаться в вооружённой борьбе с врагами веры. Борьба с духовными, социальными пороками, ложью, обманом, развращённостью общества и т. д., постоянное усердие в деле распространения религии

и ведение войны с агрессорами — всё это джихад. Цель джихада — утверждение истины и устранение всякой несправедливости;

— «Дискурс арабской философии» [16] — джихад в качестве военной доктрины рассматривается социологами и политиками, философов же интересует его значение в качестве усердия, которое «должен совершать верующий, желающий постичь божественную мудрость, идти по пути, предначертанному Богом» [16, с. 73];

— «Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма» [10] — предписанная Кораном борьба за веру, включающая много аспектов (социокультурный, духовный, морально-нравственный, правовой и т. д.);

— «Исламский толковый словарь» [3] — «борьба за веру», которая первоначально была направлена на защиту ислама;

— «Военный энциклопедический словарь» [2] — борьба с полной отдачей сил за веру и торжество ислама; одна из главных обязанностей мусульманской общины.

Согласно «Исламскому энциклопедическому словарю» [1], существуют следующие виды джихада: 1) джихад против своих пороков; 2) джихад своими познаниями; 3) джихад материальными средствами; 4) джихад на поле боя. В «Исламском толковом словаре» [3] приводится «классическая» типология джихада: 1) «джихад сердца» (борьба с собственными дурными наклонностями), 2) «джихад языка» (повеление достойного одобрения и запрещение порицания), 3) «джихад руки» (дисциплинарные меры в отношении преступников и нарушителей норм нравственности) и 4) «джихад меча» (вооружённая борьба за веру). Современными исламскими учёными подчеркивается оборонительный аспект джихада, включающий «приложение усилий для достижения экономической и военной мощи, способной противостоять агрессии извне, борьбу за укрепление национальной независимости» [3, с. 58].

Интересно, что в словаре В. Даля [15] нет статей про джихад и газават, не используются такие слова, как гяур, джизья, хаджж, шахид, кафир. Но есть статьи «мечеть», «минарет», «муэдзин», «муфти», «намаз», «рамазан», «чадра», «имам», «закят». В словаре М. Фасмера [17] также нет статей под названием «джихад», «газават», «шахид». При этом есть «мулла», «мечеть», «минарет», «алкоран», «калым», «намаз», «Магомет».

Таким образом, в рассмотренных словарных статьях (17, из них 4 англоязычные)

различной тематики выявлены определения джихада по следующим категориям: «усердие», «старание», «борьба», «рвение», «священная война», «усилие», «борьба за веру», «борьба на пути Аллаха», «религиозная война», «религиозный долг/обязанность».

Как мы отмечали, большая роль отводится автору-составителю, его профессиональной направленности, немаловажным являются также время и место публикации, её потенциальная аудитория. Наибольшую профессиональную разбросанность представляет группа значений джихада с приоритетом в качестве войны («*воинственная*»), в ней представлены специалисты в области социологии литературы и культуры, филологии, культурологии, истории, психиатрии, а также изучения ближневосточных языков и культур. Данная группа отличается краткой формулировкой определения и наиболее поверхностной, стереотипной трактовкой джихада.

Во второй группе («*миксовой*») представлены определения из энциклопедических словарей, отражающие и «внешнюю» (на другого), и «внутреннюю» (на себя) направленность джихада. Авторами статей этого блока являются известные специалисты в области истории религии, исламоведения (Я. Неттон, Дж. Эспозито, Т. Ибрагим, А.В. Сагадеев), представляющие крупные центры изучения ислама.

Третья группа с приоритетом «*мирного*» значения разнородна и включает специалистов гуманитарного профиля (Е.А. Фролова, А.А. Али-заде, Г.М. Гогиберидзе) и военной направленности. В этом ряду выделяется словарь, посвящённый обзору терминов в сфере борьбы с терроризмом. Казалось бы, этот источник уместно смотрелся бы в первой группе «воинственных» значений джихада, описывая стереотипное восприятие этой исламской практики. Тем более, время выхода словаря 2003 г. — разгар активности экстремистских группировок на Кавказе, ознаменовавшейся крупными трагедиями в нашей стране. Также выбивается из общего ряда «Военный словарь» Министерства обороны РФ, подчеркивающий «гуманистический» вектор джихада. Анализ словарных дефиниций вскрывает различные социокультурные практики и средства реализации джихада.

Как оказалось, у знакомого нам слова «джихад» в качестве «войны с неверными» другой набор значений, а как понятие оно порождает широкий набор коннотаций. Этот набор включает в себя «рвение», «старание», «духовное совершенствование», то есть вполне понятные нам практики дисциплины духа,

отсылающие к духовным поискам христианских пустынников, буддийских аскетов — тому, что не имеет ничего общего с взрывами в торговом центре.

Помимо обыденного, поверхностного, и подчас неуместного словоупотребления понятий исламской культуры также отметим факторы, на наш взгляд, усугубляющие не(до)-понимание джихада:

- 1) язык (закрепление языковыми средствами стереотипного, «привычного» восприятия джихада в качестве «священной войны мусульман», «войны с неверными», ислама — в качестве рассадника терроризма и экстремизма, шахидов — как террористов-смертников);
- 2) терминологическая путаница и смешение понятий, когда джихад как усердие вообще часто отождествляется с газаватом — военными походами под руководством Мухаммеда или без него;
- 3) и, самое главное, логика культуры, её смыслообразование. Как убедительно показано А.В. Смирновым, логики европейского и арабо-мусульманского форматов принципиально разные. Европейская логика — субстанциональная, оперирующая сущностями, вещами, неизменными и константными. Логика арабо-мусульманская имеет процессуальный характер, в её рамках мыслят действиями и претерпеванием (этого действия) [11, с. 68]. В этом контексте джихад как феномен, сформировавшийся в арабо-мусульманской культуре, представляет собой **не предмет, не вещь и не сущность**, каковыми привыкла оперировать европейская традиция. Определение в нашем понимании это о-пределение, положение пределов, остановка, прекращение, что для арабо-мусульманской культуры «нелогично» и губительно для «сущности». Схватить сущность в процессуальной логике — значит, сделать процесс, действие предметом теоретического осмысления.

Как же нам понимать джихад? Учитывая широкий спектр словоупотреблений, отсутствие терминологической определённости, многозначность понятия и его коннотаций в разных исследовательских контекстах, мы предлагаем видеть в нём **идею**, по-разному воплощающуюся в разных контекстах. На первый взгляд, мы навязываем иной культуре европейскую логику смысла, сформированную платонизмом. Это действительно так. Но мы не можем мыслить иначе! Любой из вариантов смыслополагания представляет, в соответствии с формулой А.В. Смирнова,

«то же, но иначе» [12, с. 22], демонстрируя тождественность и инаковость в силу стремления человеческого сознания к целостности, которая реализуется в осуществлении субъект-предикатной склейки (то есть соединения подлежащего и сказуемого). Общим является стремление к связности (то же), иначе — как происходит связность. Для нас идея представляет умопостигаемую структуру в противоположность чувственной и изменчивой вещи, при этом идея — предел генерализации нашего знания, на уровне идей оно способно выйти к собственным границам, к пределу познания, к необходимости саморефлексии. В философском осмыслении культуры такой идеей является **культурная универсалия** (cultural universal, anthropological universal) — паттерн, который является общим для всех культур. Именно в процессе изучения других культур мы достигаем такого предельного уровня познания, на котором уже не работают привычные для европейского исследователя средства — слова, термины или понятия. Вот тогда на помощь может прийти платоновская идея, она для нас является неподвижным «типом» или «эйдосом», «тем же самым» в многообразном. Именно она для нас способна выразить «то же», что в другой логике выражается «иначе».

Мы полагаем, что в разнообразии значений джихада можно выделить его ядро или коннотативную константу, смысловой стержень понятийного многообразия. Это ядро связано с тем, что как бы аккумулирует все известные социокультурные практики в качестве «усердия на пути». Сам путь усердия по-разному претворяется в социокультурной жизни, представляя «то же, но иначе», при этом сохраняя всеохватность, универсальность.

В этом смысле, по нашему мнению, идея «усердия на пути» является культурной универсалией, реализацию которой можно обнаружить в разных культурах. Так, практическим воплощением культурной универсалии «усердие» («усердие на пути») в арабо-мусульманской культуре для нас является джихад, в восточно-христианской — «духовное делание», в индийской — йогические практики. Универсалия «усердие» сохраняет свою универсальность, принимая иные черты в зависимости от социокультурного контекста, цели, способов, форм. Например, в исихастской традиции цель «усердия на пути» — обожение (всцелое соединение человека с Богом), что совершенно немислимо в арабо-мусульманской традиции, где одним из наитягчайших прегрешений выступает *ширк* — приписывание Богу товарищей, признание подобного

Богу. При этом сама идея усердия *та же*, но реализуется *иначе*: в различных сферах и делах с «целью его довольства». А вот такой культурной универсалии, как «борьба с неверными», нет, и «военный» джихад — это специфическая интерпретация усердия.

Потому важным шагом на пути корректного понимания джихада и повышения эффективности межкультурной коммуникации является анализ и осмысление джихада в качестве идеи «усердия на пути» в сравнении с *такими же, но иначе* организованными практиками духовной дисциплины. Это даёт основание для дальнейших исследований усердия как такового в качестве культурной универсалии.

Вывод

Обращаясь к исследованиям джихада, мы встречаем различные мнения. Проблема начинается с прояснения значения самого слова и общественного резонанса, который вызван обыденным, поверхностным и подчас неуместным словоупотреблением. Выясняется, что на джихаде часто висит ярлык, выданный ему когда-то и в каких-то условиях, а в современных реалиях наполненный другим смыслом. Обращение к словарям с целью уточнения смысла термина «джихад» выводит нас за пределы обыденного словоупотребления, но не проясняет сути. Публикация словарной статьи всегда связана с особенностями её автора и составителя самого словаря, которые делают акцент на тех или иных особенностях термина и характерных признаках явления, которое за ним стоит. Принимая стандартный тезис о наличии узкого и широкого значения слова, скажем, что «вооружённая борьба» представляет как раз узкую, но не единственно реализуемую практику. Напротив, аккумулирующим основанием всех известных социальных и культурных практик выступает «усердие на пути», явно видное не только в арабо-мусульманской, но и восточно-христианской и индийской традициях. Выведение джихада в область идей, а усердия — в категорию культурных универсалий предполагает дальнейшее философское осмысление обширного материала не только религиозно-мотивированных, но и светских практик.

Литература

1. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. — 400 с. [Ali-zade AA. Islamskij jenciklopediceskij slovar'. Moscow: Ansar; 2007. 400 p. (In Russ.)]

2. Военный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm>. Дата обращения: 02.09.2018. [Voennyj jenciklopedicheskij slovar' [Internet]. Available from: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm>. (In Russ.)]
3. Гогиберидзе Г.М. Исламский толковый словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 266 с. [Gogiberidze GM. Islamskij tolkovyj slovar'. Rostov-na-Donu: Feniks; 2009. 266 p. (In Russ.)]
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924240#?page=76>. Дата обращения: 30.07.2019. [Enciklopedicheskij slovar' Brokgaуza i Efrona [Internet]. Available from: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924240#?page=76>. (In Russ.)]
5. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. – М.: Джангар, 2012. – 864 с. [Zhмurov VA. Bol'shaja jenciklopedija po psihiatrii. Moscow: Dzhangar; 2012. 864 p. (In Russ.)]
6. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с. [Islam: Enciklopedicheskij slovar'. Moscow: Nauka; 1991. 315 p. (In Russ.)]
7. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии: словарь. – М.: Вече; АСТ, 2003. – 511 с. [Kononenko BI. Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii: slovar'. Moscow: Veche: AST; 2003. 511 p. (In Russ.)]
8. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / под ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/search?term=%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B4>. Дата обращения: 02.09.2018. [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Ed. by S.A.Kuznecov [Internet]. Available from: <https://gufo.me/search?term=%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B4>. (In Russ.)]
9. Народы и культуры. Оксфордская энциклопедия / под ред. Р. Хоггарта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cult-lib.ru/doc/encyclopedia/peoples-and-cultures/fc/slovar-196-1.htm#zag-366>. Дата обращения: 02.09.2018. [Narody i kul'tury. Oksfordskaja jenciklopedija. Ed. by R. Hoggart [Internet]. Available from: <http://cult-lib.ru/doc/encyclopedia/peoples-and-cultures/fc/slovar-196-1.htm#zag-366>. (In Russ.)]
10. Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. – М.: Editorial УРСС, 2003. – 65 с. [Slovar' osnovnyh terminov i ponjatij v sfere bor'by s mezhdunarodnym terrorizmom i inymi projavlenijami jekstremizma. Moscow: Editorial URSS; 2003. 65 p. (In Russ.)]
11. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. – М.: Садра, 2019. – 216 с. [Smirnov AV. Vsechelovechesкое vs. obshhechelovechesкое. Moscow: Sadra; 2019. 216 p. (In Russ.)]
12. Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. – М.: Садра, 2019. – 160 с. [Smirnov AV, Solondaev VK. Processual'naja logika. Moscow: Sadra; 2019. 160 p. (In Russ.)]
13. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – Т. 5. Двинск – Индонезия. [Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija. Ed. by E.M. Zhukov. Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya; 1964. Vol. 5. Dvinsk – Indonesia. (In Russ.)]
14. Средневековый мир в терминах, именах и названиях / Е.Д. Смирнова, Л.П. Сушкевич, В.А. Федосик. – Минск: Беларусь, 1999. – 392 с. [Srednevekovyj mir v terminah, imenah i nazvanijah. Ed. by E.D. Smirnova, L.P. Sushkevich, V.A. Fedosik. Minsk: Belarus; 1999. 392 p. (In Russ.)]
15. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovardalja.net/>. Дата обращения: 22.11.18. [Tolkovyj slovar' zhivago velikorussskogo jazyka [Internet]. Available from: <http://slovardalja.net/>. (In Russ.)]
16. Фролова Е.А. Дискурс арабской философии / отв. ред. А.В. Смирнов. – М.: Садра, 2016. – 312 с. [Frolova EA. Diskurs arabskoj filosofii. Ed. by A.V. Smirnov. Moscow: Sadra; 2016. 312 p. (In Russ.)]
17. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>. Дата обращения: 02.09.2018. [Jetimologicheskij on-lajn-slovar' russkogo jazyka Maksa Fasmera [Internet]. Available from: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>. (In Russ.)]
18. Encyclopedia of Islamic civilization and religion. Ed. by I.R. Netton [Internet]. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group; 2008. 846 p. Available from: <https://www.routledge.com/Encyclopedia-of-Islamic-Civilization-and-Religion-1st-Edition/Netton/p/book/9780203862049>. Дата обращения: 22.08.2019.
19. Encyclopedia of Islam. Ed. by J.E. Campo. 2009 [Электронный ресурс]. Available from: https://islamvalley.files.wordpress.com/2011/10/encyclopedia-of-islam_juan_campo.pdf. Дата обращения: 21.08.2018.
20. Encyclopaedia Britannica [Internet]. Jihad. Available from: <https://www.britannica.com/topic/jihad>.
21. The Oxford Dictionary of Islam. Ed. by J.L. Esposito. Oxford: Oxford University Press; 2014. [Internet]. Available from: <http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t125/e1199>. Дата обращения: 02.09.2018.

■ Информация об авторе

Наталья Сергеевна Кузьменко — очный аспирант кафедры философии социально-гуманитарного профиля, Таврическая академия (структурное подразделение). ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь. E-mail: n.s.kuzmenko@mail.ru.

■ Information about the author

Nataliya S. Kuzmenko — Postgraduate student of Department of Philosophy of Social and Humanitarian section the Taurida Academy. V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia. E-mail: n.s.kuzmenko@mail.ru.

**ТАНЕЦ ЯЗЫКА: ИЗНАЧАЛЬНЫЕ МОДАЛЬНОСТИ КУЛЬТУРЫ
В СВЕТЕ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ****В.Б. Малышев**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет», СамараДля цитирования: Кузьменко Н.С. Джихад: от слова к культурной универсалии // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7–8. – С. 44–48. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.44-48>

Поступила: 09.11.2020

Одобрена: 25.11.2020

Принята: 15.12.2020

▪ В статье проводится анализ соотношения понятийного поля метафоры и изначальных модальностей культуры в контексте проблемы трансцендентных инстанций. Метафора, мимезис и поэзис как три вида моделирования реальности культуры могут быть соотнесены в плоскости языковой репрезентации мира. Танец языка — вершина эволюции миметического, а метафора — ключ к пониманию механизма мимезиса в искусстве и культуре (И.-Г. Гердер, Ф. Ницше). Дискурс изначальных модальностей культуры в языке облекается в определённые образы, в миметические формы, в танец языка. Именно метафора является ключом к пониманию изначальных модальностей культуры. Именно в танце языка человек обретает цельность бытия.

▪ **Ключевые слова:** мимезис; метафора; культура; изначальные модальности культуры; танец языка.

**DANCE OF THE LANGUAGE: PRIMORDIAL CULTURAL
MODALITIES IN THE LIGHT OF METAPHOR THEORY****V.B. Malyshev**

Samara State Technical University, Samara

For citation: Malyshev V.B. Dance of the language: Primordial cultural modalities in the light of metaphor theory. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(7-8):44–48. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.44-48>

Received: 09.11.2020

Revised: 25.11.2020

Accepted: 15.12.2020

▪ The article analyzes the relationship between the conceptual field of metaphor and the primordial cultural modalities in the context of the problem of transcendent instances. Metaphor, mimesis, and poetry as three types of modeling the reality of culture can be correlated in the plane of language representation of the world. The dance of language is the top species of mimetic evolution, whereas metaphor is the key to understanding the mechanism of mimesis in art and culture (I.-G. Herder, F. Nietzsche). The discourse of the primordial cultural modalities in language is clothed in certain images, in certain mimetic forms, in the dance of language. Metaphor is the key to understanding the primordial cultural modalities. It is in the dance of language which a person finds wholeness of being.

▪ **Keywords:** mimesis; metaphor; culture; primordial cultural modalities; dance of the language.

В современной философии культуры и эстетической теории, в различных смежных дисциплинах особая роль принадлежит такому многомерному познавательному инструменту, как метафора. Особенно, на наш взгляд, продуктивным и актуальным было бы изучение эвристических возможностей метафоры на фоне рассмотрения трансцендентных инстанций в культуре: природа, бог, сознание, вечность...

Начиная с Аристотеля, метафора понималась только как слово в переносном смысле,

только как некое скрытое уподобление одной вещи другой. Однако понимание механизма метафоры как «системы подобий» давно уступило место её пониманию как важнейшего эвристического инструмента постижения реальности. В качестве примера можно привести взгляды на этот вопрос Х.О.-и-Гассета, демонстрирующие определённую ясность, внятность, широту понимания такого инструмента, как метафора. По мнению испанского философа, природа эстетической реальности и природа метафоры сходны [10]. Метафора несёт

в себе тот самый принцип создания новой реальности, который столь важен для искусства.

Большое значение для понимания места и роли метафоры в исследованиях фактов культуры имеют историческая семантика и теория метафоры (М. Блэк, Э. Ортони, Дж. Серль, Ф.Р. Анкерсмит, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер, Х. Уайт и др.). Однако дальнейшая адаптация базовых концепций к конкретной исследовательской проблеме требует очень сложной «доводки» их положений до решения практических задач, в частности для философии культуры.

Необходимо отметить, что даже в тех исследовательских областях, где учёный ратует за чистоту метода, даже в области исторической тропологии и философии науки метафора незаменима. Р. Бойд и Т. Кун отмечают важную посредническую миссию метафоры, ибо она выполняет две важные функции: она описывает меняющуюся реальность и в то же время служит посредником между языком науки и самой реальностью, которая, в общем-то, иррациональна в своей глубинной сути [14; 15]. Важно понять, что метафора не отрицает понятие, она восполняет его, обогащает базовую оппозицию интеллигибельного и чувственно-воспринимаемого.

Не претендуя на дескриптивную точность, отметим, что для целей нашего исследования подходит схема понимания метафоры, предложенная ещё М. Блэком. По М. Блэку, существуют, по крайней мере, три концепции метафоры [1; 13] (хотя к третьему десятилетию XXI в. становится ясно, что их больше). *Первая* точка зрения на природу метафоры — теория субституции, согласно которой суть метафоры в замещении одного термина другим. Метафора рассматривается как слово в переносном смысле (метафора «перенос», от μετά «над», «после», «за», «между» и φόρος «несущий»), которое замещает некое прямое значение, или, формально, некое метафорическое выражение является субститутом, заместителем некоторого другого. Метаотношение и делает метафору уникальным проектом актуализации латентных возможностей сознания. Метафора позволяет выйти сознанию на уровень метапозиции, предельно отстранённого видения мира, ничем не обусловленного, кроме перманентного включения в процесс поэзиса. Бытие двух статичных сущностей через механизм метафоры трансформируется во всеобщее мезобытие.

Во *второй* по счёту концепции метафоры — компаративистской — метафора рассматривается как скрытое уподобление, сжатое сравнение. Эта концепция, по сути,

является следствием первой. *Третий* подход к исследованию метафоры — теория интеракции. По этой концепции, при взаимодействии двух семантических единиц происходит взаимодействие между «фокусом» метафоры (её «целью») и её внешней «рамкой».

Все достоинства предшествующих концепций трансформировались в так называемую когнитивную теорию метафоры, наследницу теории интеракции, фундаментально обоснованную в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Авторы понимают метафору как процесс. Метафоре подлежат многие процессы человеческого мышления, ведь «метафора не только в словах», но и самой структуре человеческой деятельности [4, с. 27]. «Суть метафоры — это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида. (The essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another)» [4, с. 27]. Русский перевод усиливает смысловые горизонты понимания метафоры. Если «вещь» понимать по-кантовски, в смысле ноумена, а не феномена, то взаимодействие «сущностей» выглядит настолько глубоким, насколько это только возможно в искусстве, но не в жизни. Так что же, искусство глубже, чем жизнь? Почему бы нет, ведь искусство усиливает взаимодействие жизненных субстанций, окружая их ореолом трансцендентного света, высвечивая при этом самое важное в них, самое лучшее. А *лучшее*, по сути, и есть культура. Как отмечает А.Я. Флиер, культура вовсе не отрасль деятельности, а «универсальная модальность деятельности» [12, с. 325]. Искусство как раз и является отраслью человеческой деятельности. Если бы культура была отраслью деятельности, она была бы частью самой себя, что абсурдно, ибо культура и есть человеческая деятельность, понятая в рамках определённых модальностей. Искусство же в этой связи имеет своей целью «создание образов эмоционального отношения к миру» [9, с. 38–39; 12, с. 326]. Кроме того, надо бы указать, что культура не есть абсолютное единство, но множественность, множественность модальностей, тогда и смысл искусства будет понятен. Дело именно в процессах, а не «вещах». «Глагольное» понимание бытия становится более верным, чем видение статичных «сущностей».

Согласно нашему основному предположению, именно метафора является ключом к пониманию того, что мы называем изначальными модальностями культуры. Эти модальности — предельное онтологическое различие, шифр восприятия, задающий горизонт миропонимания в ту или иную эпоху. Модальности

также можно определить как трансцендентальную установку мышления, определяющую тот или иной способ деятельности.

Дж. Лакофф и М. Джонсон по сути повторяют то, что задолго до них уже было высказано Х. Ортега-и-Гассетом в работах «Две главные метафоры» и «Эссе на эстетические темы вместо предисловия» [8, 10]. Первая работа, в которой испанский философ описывает историю культуры с помощью «заглавных» метафор, достаточно широко известна. Её рассмотрение — предмет отдельного исследования. Вторая статья посвящена изучению самого глубинного механизма метафоры. В небольшой статье, являющейся предисловием к книге Хосе Морено Вильи «Прохожий», Х. Ортега-и-Гассет показывает, как из мира представления, с его основным способом презентации — образами — наше сознание способно перейти в мир иной реальности. Здесь вещи сами по себе становятся частью нашего бытия. Именно метафора позволяет осуществить этот переход, переход от одного локального региона бытия к другому.

Метафора — не только троп, оборот речи, но и значимый научный инструмент познания, изначальный эвристический способ найти имя для нового понятия (Х. Ортега-и-Гассет). В более широком смысле большинство понятий и сами способы задания понятийной сетки мировосприятия по природе своей метафоричны (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Метафора — некий первичный способ моделирования реальности через задание системы позиций восприятия и понимания «положения вещей» (по Л. Витгенштейну, *sacheverhalt*). Та же функция первичного моделирования образов сущего в искусстве осуществляется в процессе подражания, *мимезиса*. Раздельность вещей не только задаётся в языке, но и преодолевается через тропы. Метафора — один из сильнейших тропов, объединяющих многие разрозненные исторические факты и явления в одном ключе. Возьмём, например, то, о чём столь много говорят М. Хайдеггер и Л. Витгенштейн, а вслед за ними и вся философия науки. *WeltBild* — в переводе с немецкого на русский — «образ мира» или «картина мира», здесь возможны разные понимания термина. Сложившаяся культурно-историческая система представлений о мире не является «картиной» в прямом смысле, однако данная метафора позволяет понять общекультурные и исторические особенности данного явления, которые нельзя выразить только лишь понятийно. Другой пример. Термин «понятийная сетка», столь востребованный в философии, психологии,

лингвистике и других дисциплинах, — стёртая метафора.

В настоящем исследовании дело не столько о метафоре, сколько в проекции принципа метафоры на различные методологические области, задействованные в поиске изначальных модальностей культуры. В этом смысле весьма интересна методология, комбинирующая установки философии языка, философии культуры, эстетики. В частности, пересекаются такие разнопорядковые явления, как *метафора* и *поэзис*, *метафора* и *мимезис*. Можно понять смысл этого процесса как деятельность непрерывного творения (от греч. *poiein*, «творить», «производить», «изготавливать», «сочинять»). Метафорическое постижение мира, *поэзис* и *мимезис* пересекаются в области эстетического, выступая как смежные способы создания нового. Здесь система метафор может быть вписана в процесс, в частности процесс порождения произведения искусства.

И.-Г. Гердер полагал, что, минуя миметический примитив простого «подражательства», системы жестов, человек обретает высшее совершенство только благодаря языку [3, с. 234]. Язык здесь выступает не как мимезис внешнего мира, а скорее как «мимезис мысли». У Фридриха Ницше встречаем мы наиболее яркое понимание языка как высшей формы мимезиса. В работе «Так говорил Заратустра» Ницше раскрывает смысл объединяющей роли языка в бытии человека, именно язык отвечает за сборку разрозненных частей человеческого мира: «Как приятно, что есть слова и звуки: не есть ли слова и звуки радуга и призрачные мосты, перекинутые через всё, что разъединено навеки» [6]. И то, что проявляется в различных видах искусств (опере, балете, музыкальном театре, кино) как в видах деятельности, согласно идее Ницше, суммируется в языке, прежде всего — в поэзии. И здесь мы приводим важнейшую, ключевую мысль Ницше о языке как мимезисе: «говоря, танцует человек над всеми вещами» [6]. Напомним, что в дельфийских гимнах и у поэта Пиндара слово «мимезис» значило *танец* [2, с. 15]. Итак, *танец языка* есть не что иное, как *мимезис*. И в этом «танце» первейшая роль принадлежит метафоре. Метафора (метафорá) буквально значит «перенос» знаковости одной вещи в знаковость другой, но говорим ли мы о переносе некой «образности» или происходит перенесение неких онтологических сущностей? Когда выше мы говорили об искусстве как способе онтологического «углубления» реальности, мы, конечно же, имели в виду второе.

Музыка, поэзия, танец сливаются в сознании Заратустры на пороге вечности, на пути Вечного Возвращения. «Нет ничего вне нас», — понимает Заратустра, но именно в том смысле, что чудные звуки музыки «разрывают» ограниченность нашего малого «я», расширяя сознание до масштабов космических. Метафора «танца» присутствует в индийской мифологии, согласно которой вселенная — космический танец бога Шивы. Сама метафора танца подразумевает онтологическую переходность, постоянно трансформирующееся пространство. На языке европейской метафизики это означает верховенство не точки, но эластично изогнутой линии, волны. Мир не статичен, материя имеет волновую природу (при этом, согласно принципу дополнительности Н. Бора, не отрицая и корпускулярность).

С идеями Ф. Ницше созвучна идея Х. Ортега-и-Гассета о том, что наше «Я» онтологически предстает таковым, обретает бытийное единство и постоянство, «просто потому, что является чем-то» [10, с. 99]. Говоря проще, в этом равенстве бытия мы являемся вещью среди других вещей (вспомним *res cogitans* Декарта). Простейшая миметика ритуального танца у племён первобытной культуры, надевание масок животных, божеств и использование магических атрибутов — это не только нечто подобное детской игре (хотя и это присутствует), не только лишь социализация (да, и это задействовано), не менее важно участие человека в игре природных сил, уподобление себя чему-то иному и проживание сущности этого иного (эмпатия). Известен классический пример Л. Леви-Брюля, который рассматривает мифы племени бороро, для которых совершенно нормально ощущать себя одновременно и *человеческими существами*, и *птицами* с красным оперением [5]. Проживание иного и есть истинное назначение множества ритуалов со смыслом участия. Художественное переживание во внутреннем мире виртуоза основано на временном отрешении от себя и отождествлении с кем-то другим (осознанием «чего-то» в случае неодушевленного объекта). «Для меня показателем удачного выступления может служить либо отсутствие воспоминаний о том, как играла, либо, когда удалось услышать себя со стороны, словно это и не ты вовсе, а какой-то незнакомый артист» [11]. В искусстве партиципация оборотной своей стороной имеет эмпатию, с проживанием иного «я». Известно признание выдающегося музыканта современности Юрия Башмета: «В тот момент, когда я играю музыку Чайковского,

я не думаю, что я играю Чайковского ... я думаю, что я и есть Чайковский!» [7].

Ритуальная партиципация и эмпатия существенно соответствуют эстетическому переживанию: «Как есть „я“ — имярек, так есть „я“ — красный, „я“ — вода, „я“ — звезда» [10, с. 99]. Принцип метафоры иллюстрирует вживание в онтическую игру вещей, игру природных сил. Такие «природные силы», по сути, становятся трансцендентными инстанциями. Другое дело, что уподобиться некой внешней по отношению к нашему точечному «я» инстанции миметически можно, можно принять участие в ритуале, но как при этом измениться внутренне и почувствовать иное, «вжиться» в него? Иными словами, играть сцену в пьесе жизни можно, но хорошим актёром быть не просто. Видимо, для начала — мыслить метафорами.

Рассмотрим выведенные выше акты миметического действия на примере поэзии Шекспира. Здесь во всём богатстве в игре природных сил и неких модальностей культуры представлена архитектура метафоры, и это, в лучшем смысле слова, действительно, есть тот самый «танец языка». Дискурс Шекспира имеет много аспектов, но один из них — видение мира, характерное для некоего корифея, человека культуры.

Мой глаз гравёром стал и образ твой
Запечатлел в моей груди правдиво.
С тех пор служу я рамою живой,
А лучшее в искусстве — перспектива.
(У. Шекспир. Сонет 24)

В данном случае идёт игра метафоры и метонимии, ведь метонимия является очень важным дополнением к метафоре: где есть ассоциация по сходству, необходима также и ассоциация по смежности. Пример — синтактика кинематографа. Всегда существуют кадры с некими объектами («акты метафоры»), но, чтобы понять переход от одной сцены к другой, нужны монтажные «стыки» между кадрами («акты метонимии»).

Глаз художника является ключевым образом и для акта метонимии («глаз», а не «глаза»), и для метафоры — «глаз-гравёр», «глаз-художник». Для точности понимания рассмотрим английский оригинал.

Это отдельный объект вместо целого, который персонифицируется и уподобляется всей личности мастера в целом — «мой глаз гравёром стал» (*mine eye hath play'd the painter*), «и образ твой запечатлел» (*mine eyes have drawn thy shape*). Влюблённый запечатлел образ объекта своего преклонения на «престол» сердца (*table of my heart*), в собственном

теле, как в живой «раме» (*body is the frame*), соблюдая законы перспективы, как в лучших произведениях искусства.

Таким образом, созерцая великолепие сонетов Шекспира, мы наблюдаем некие тонкие формы миметического воспроизведения действительности. В одном случае присутствует акт вынесения субъекта вовне через собственную телесность («мой глаз гравёром стал», «служу я рамою живой»). Сам автор подражает природе, и глаз художника (глаз «гравёром стал») приобретает расширенную субъектность (часть вырастает в целое).

Таким образом, дискурс изначальных модальностей культуры в языке облекается в определённые образы, в определённые миметические формы. Образная характеристика системы этих форм была предложена Фридрихом Ницше — это *танец языка*. Именно в танце языка человек обретает цельность бытия. Сам же танец языка не может быть понят только через понятийную сетку, его структурная динамика открывается лишь через метафору. Метафора — ключ к пониманию изначальных модальностей культуры.

Литература

1. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник. — М.: Прогресс, 1990. — С. 153–172. [Bljek M. Metafora. In: Teorija metafori: Sbornik. Moscow: Progress; 1990:153–172. (In Russ.)]
2. Вейдле В. Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — С. 331–350. [Vejdle V. Jembriologija poeziji: Stat'i po pojetike i teorii iskusstva. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury; 2002:331–350. (In Russ.)]
3. Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977. — 703 с. [Gerder I-G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. Moscow: Nauka; 1977. 703 p. (In Russ.)]
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. — М.: ЛКИ, 2008. — 256 с. [Lakoff Dzh, Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem. Moscow: LKI; 2008. 256 p. (In Russ.)]
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 608 с. [Levi-Brjul' L. Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii. Moscow: Pedagogika-Press; 1994. 608 p. (In Russ.)]
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. — М.: Эксмо, 2010. — 416 с. [Nicshe F. Tak govoril Zaratustra. Moscow: Eksmo; 2010. 416 p. (In Russ.)]
7. Оркестр будущего. Проект Юрия Башмета [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/174227/brand_id/60410/type_id/2. Дата обращения: 19.11.2019. [Orchestra of the future. Yuri Bashmet's project [Internet]. Available from: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/174227/brand_id/60410/type_id/2. (In Russ.)]
8. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Бесхребетная Испания: сборник.— М.: АСТ; Ермак, 2003. — С. 217–237. [Ortega-i-Gasset H. Dve glavnyje metafory. In: Beshrebetnaja Ispanija. Moscow: AST, Ermak; 2003:217–237. (In Russ.)]
9. Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. — М.: Алгоритм, 2006. — 384 с. [Ortega-i-Gasset H. Zapah kul'tury. Moscow: Algoritm; 2006. 384 p. (In Russ.)]
10. Ортега-и-Гассет Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. — М.: Искусство, 1991. — С. 93–112. [Ortega-i-Gasset H. Jesse na jesteticheskie temy v forme predislovija. In: Ortega-i-Gasset H. Jestetika. Filosofija kul'tury. Moscow: Iskusstvo; 1991:93–112. (In Russ.)]
11. Осетинская П.О. Прощай, грусть. — СПб.; М., 2007. — 220 с. [Osetinskaja P.O. Proshhaj, grust'. Saint Petersburg: Moscow; 2007. 220 p. (In Russ.)]
12. Флиер А.Я. В какой мере искусство является частью культуры? // Художественные парадигмы в эпоху социальной турбулентности. Мат. междунауч.-практ. форума. Под ред. В.И. Ионесова. — Самара: СГИК; М.: Сogласие, 2019. — Т. 1. — С. 335–367. [Flier A.Ja. V kakoj mere iskusstvo javljaetsja chast'ju kul'tury? Proceedings of Hudozhestvennye paradigmy v jepohu social'noj turbulენტности. Mat. mezhd. nauch.-prakt. Forum. Ed. by V.I. Ionesova. Samara: SGIK; Moscow: Soglasie; 2019;1:335–367. (In Russ.)]
13. Black M. More about metaphor. Metaphor and thought. 2nd edition. Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press; 1993:19–41.
14. Boyd R. Metaphor and theory change. What is “metaphor” a metaphor for? Metaphor and thought. 2nd edition. Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press; 1993:481–532. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.023>.
15. Kuhn ST. Metaphor in science. Metaphor and thought. Second edition. Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press; 1993:533–542.

■ Информация об авторе

Владислав Борисович Малышев — доктор философских наук, профессор кафедры философии и СГН. ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: vlmaly@yandex.ru.

■ Information about the author

Vladislav B. Malyshev — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy. Samara State Technical University, Samara, Russia. E-mail: vlmaly@yandex.ru.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГРИГОРИЯ НИССКОГО В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е.Н. Суровцев^{1, 2, 3}, Ю.С. Пышкина¹

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Самара;

² Общество с ограниченной ответственностью «Лечебно-диагностический центр Международного института биологических систем имени Сергея Березина — Тольятти», Тольятти;

³ Автономная некоммерческая организация высшего образования «Поволжский православный институт имени Святителя Алексия, митрополита Московского», Тольятти

Для цитирования: Суровцев Е.Н., Пышкина Ю.С. Антропологическая система Григория Нисского в контексте постнеклассической картины мира // Аспирантский вестник Поволжья. — 2020. — № 7–8. — С. 49–54. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.49-54>

Поступила: 11.11.2020

Одобрена: 25.11.2020

Принята: 15.12.2020

▪ Модель постнеклассической антропологии на сегодняшний момент находится в состоянии научного обсуждения и во многом не разработана. При этом обращение к святоотеческому наследию способно стать фундаментом постнеклассической антропологии. Так как именно христианское антропологическое учение, учитывающее динамичную и вариабельную природу человека, его главенствующую роль в мире и положение связующего звена между всем, что в мире материальном и в мире духовном существует, может быть всецело соотнесено с основными идеями постнеклассического мировоззрения и стать основой детальной проработки новой философской антропологии.

▪ **Ключевые слова:** постнеклассическая антропология; Григорий Нисский; постнеклассическая философия; антропология; человек.

ANTHROPOLOGICAL SYSTEM OF GREGORY OF NYSSA IN THE CONTEXT OF THE POST-NON-CLASSICAL PICTURE OF THE WORLD

E.N. Surovtsev^{1, 2, 3}, Yu.S. Pyshkina¹

¹ Samara State Medical University, Samara, Russia;

² Medical Institute named after Berezin Sergey – Tolyatti, Tolyatti, Russia;

³ Volga Orthodox Institute, Togliatti, Russia

For citation: Surovtsev EN, Pyshkina YuS. Anthropological system of Gregory of Nyssa in the context of the post-non-classical picture of the world. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2020;(7-8):49–54. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.49-54>

Received: 11.11.2020

Revised: 25.11.2020

Accepted: 15.12.2020

▪ The model of post-nonclassical anthropology is in a state of scientific discussion and has not been developed. At the same time, an appeal to the patristic heritage can become the foundation of post-non-classical anthropology. Since it is the Christian anthropological doctrine that takes into account the dynamic and variable nature of man, his dominant role in the world and the position of a link between everything in the material world and in the spiritual world can be fully correlated with the main ideas of the post-non-classical worldview and become the basis for a detailed study of a new philosophical anthropology.

▪ **Keywords:** post-nonclassical anthropology; Gregory of Nyssa; post-non-classical philosophy; anthropology; human.

Введение

Современная научная картина мира предстает перед нами картиной глобального эволюционизма. Согласно ей, мир является внутренне целостной и саморазвивающейся природно-социальной системой, где от человека зависит дальнейшая судьба самого человечества и мира [3]. Поэтому осмысление человека, его сущности, отличия от прочих объектов органического и неорганического мира, его роли во Вселенной есть необходимое условие понимания всей постнеклассической картины мира.

В то же время антропологическое знание разрозненно представлено в разделах современной науки, без синтеза в единую концепцию, что является парадоксом в эру синергизма и междисциплинарного подхода, так Макс Шелер констатировал: «Существует естественнонаучная, теологическая, философская антропология, в то время как единой идеи человека у нас нет» [10, с. 13].

Устранить это противоречие, по мнению В.В. Зеньковского, способно обращение к святоотеческому наследию и включение идеи об образе Божьем как неотъемлемой части сущности человека [2]. В связи с этим обращение к наследию Григория Нисского особенно актуально, так как именно он построил одну из первых целостную и внутренне непротиворечивую систему философской антропологии, посвятив ей трактат «Об устройении человека», поэтому В.И. Несмелов [5] и В.М. Лурье [4] считают его одним из основоположников святоотеческого учения о человеке.

Целью исследования является раскрытие антропологической системы Григория Нисского для построения философской антропологии постнеклассического периода науки.

Задачи исследования:

- выявить основные отличия и опорные точки постнеклассической картины мира в контексте философской антропологии;
- описать антропологическую систему Григория Нисского;
- установить возможное соответствие между принципами постнеклассической науки в контексте философской антропологии Григория Нисского.

Философская антропология в контексте постнеклассической картины мира

Модель постнеклассической антропологии на сегодняшний момент находится в состоянии научного обсуждения. Основные черты

постнеклассической антропологии можно попробовать выделить, опираясь на признаки постнеклассической науки в целом.

Один из ведущих отечественных специалистов в области философии и методологии науки и автор концепции постнеклассической науки В.С. Стёпин выделяет следующие признаки постнеклассического этапа: нелинейность, коэволюция, самоорганизация, глобальный эволюционизм, синхронистичность и системность [8]. Где нелинейность — это отражение динамически изменяющейся системы, где объекты не статичны, но пребывают в ситуации становления (эволюции), то есть меняют свои характеристики в ходе своего развития, и это развитие описывается не прямой зависимостью между причиной и её следствием из-за множества других влияющих на объект условий [3]. Коэволюция — это совместная эволюция различных объектов, находящихся в рамках одной системы, влияющих друг на друга, в результате которой изменения одного объекта приводят к изменениям другого, и, как следствие этого влияния, происходит единое направленное развитие Космоса, Земли, жизни как таковой и человека в частности (глобальный эволюционизм). Все эти эволюционные изменения, зачастую не имея прямой взаимосвязи, всё же подлежат закону синхроничности, который К.Г. Юнг описывает как постоянно действующий в природе творческий принцип, упорядочивающий события «неочевидным» (непричинным) путём [11]. В постнеклассической концепции, как мы видим, нет места отдельным изолированным явлениям, но всё и все взаимосвязаны между собой, в том числе и каждый отдельный человек действует не изолированно, но связан как с другими людьми, так и с миром в целом, и каждое его действие имеет последствия, зачастую неочевидные, отражающиеся не только в его жизни, но и во всей Вселенной.

Выделяя характерные черты неклассической антропологии, П.С. Гуревич [1] уверяет, что неклассическая философия, произведя переоценку классических принципов, рассматривает человека как не обладающего готовой природой (естеством), но утверждает, что её становление не завершено. Разум человека не изолирован от других черт человеческой личности, не является монадой в самой себе, но зависит от психических функций: эмоций, воли, интуиции. При этом иррациональное психики не бесформенно и непредсказуемо, в нём присутствует своя структурность, проявляется своеобразная логика, и хаотичное присутствует только в ракурсе предустановленной рациональности разума, но всё же

подвластно логическому мышлению и воле и постоянно координируется с ними.

Считается, что классическое направление в антропологии отличается рационализмом, логоцентризмом, субстанциализмом, линейным детерминизмом и универсализмом, тогда как неклассическое — релятивизмом, индетерминизмом, процессуальностью и партикуляризмом [6, с. 171]. При этом, если мы говорим о постнеклассической антропологии, нам необходимо к вышеозначенным неклассическим принципам добавить требование учёта ценностно-целевых установок личности.

Таким образом, антропология постнеклассическая требует от нас нового осмысления проблемы сущности (природы) человека, его разума и воли, как находящихся в процессе становления и изменения, с оценкой последствий обусловленных ими действий не только для человека, но и для мира в целом.

Антропология святителя Григория Нисского

Свои рассуждения о человеке святитель Григорий Нисский строит на трёх точках опоры. Первая из них — первопричина всего сущего есть Бог, по слову самого святителя, «всё зависит от одной причины и ни единое из существ не имеет бытия само по себе и не служит само себе началом и причиною» [7, с. 285]. Второй отправной точкой послужило утверждение, что всё сотворённое имеет причину и цель своего существования, «ежели ничего нет в мире без Бога, всё же зависит от Божия произволения, а Божество премудро и промыслительно, то, конечно, и этому есть разумная причина, заключающая в себе признаки Божией премудрости и вместе промыслительной попечительности» [7, с. 281]. И третьей точкой опоры послужило библейское свидетельство о богоподобии человека, «богодуховенное учение, говорит, что по приведении всего в бытие Богом явился на земле и человек, естество срастворённое из инородного, между тем как Божественная и духовная сущность вступила в единение с уделённую ему долей каждой стихии» [7, с. 286]. Здесь мы видим, что святителя Григория волновали вопросы: зачем было необходимо творение человека; какое назначение определила Премудрость для него; что в естестве человеческом служит для достижения поставленной цели; и в чём состоит образ и подобие Бога в человеке? Для удобства изложения ответов святителя Григория на эти вопросы мы разделим их на две логические группы. Сначала мы ответим на вопросы, относящиеся непосредственно

к сущности человека (о цели творения человека и о составе человеческой природы), затем покажем мнение святителя, что в сущности человека можно отнести к образу Божества и что в человеке составляет Его подобие.

Перед тем как рассмотреть причину творения Богом человека, и что представляет собой ипостась человека, следует выяснить причину сотворения всего сущего, и какие архетипы бытия мы можем усмотреть в творении.

Цель творения святитель Григорий всецело видел в преизбытке божественной любви, «потому что не должно было оставаться и свету (Бога) незримым, и славе не засвидетельствованною, и всему прочему, что усматривается в Божественной природе, праздным, если бы не было наслаждающегося этим причастника» [5, с. 385]. В начале творения, по свидетельству Священного Писания, Бог приводит из несущего в бытие небо и землю (Быт 1:1), два противоположных мира и вместе с ними два соответствующие им архетипа бытия: невидимый (умопостижимый, духовный) и видимый (чувственный, плотской). Мир чувственный, после своего шестидневного устройства, не имея в себе разумного и свободного создания, остаётся лишённым возможности созерцания и причастия Божества, то есть не обнаруживает в себе разумной цели существования. И здесь мы находим первую причину сотворения человека. По слову Григория Нисского, «чтобы земля не осталась совершенно не имеющей части и доли в пребывании естеств духовных и бесплотных, наилучшим промыслением приведено в бытие естество человеческое» [9, с. 287]. Второй же причиной приведения в бытие человека, по мысли святителя Григория, служит преодоление противоположности и соединение духовного и чувственных миров. Через него (человека) «небесное и земное одним и тем же действием, разумею обращение взора к Богу, соединяется между собой» [10, с. 287]. Таким образом, изначально человек был создан для «участия» в Боге, для жизни в Боге и объединения Неба и земли. Здесь перед нами встаёт вопрос, что особенного в природе человека, по сравнению с прочим чувственным миром, усматривал святитель Григорий, для выполнения поставленных перед человеком высоких задач. Согласно Писанию, человеческое тело сотворено Богом из земли особым мановением Его воли, а дух человека сотворён Им из ничего. При этом очевидно, что человек, по завершении своего двухчастного сотворения, в своём существе сочетает в себе две природы: чувственную и сверхчувственную (умопостижимую), как об этом говорит святитель

Григорий, «из двух частей состоит единый человек — из души и тела» [9, с. 57]. Тело делает человека сродным всему видимому миру. Дух же, давая человеку разум и свободу, собственно и делает человека человеком, и благодаря нему мы можем устремлять свой взор к Богу и приобщаться Его любви. Таким образом, разумность есть существенная характеристика духа.

Святитель Григорий, полемизируя с современными ему материалистами, детально доказывает сверхчуждственную самостоятельную природу и бессмертие духа человека в своём обширном философском трактате «О душе и воскресении», построенном в форме беседы со своей сестрой преподобной Макриной. Здесь мы лишь приведём две цитаты из указанного выше сочинения, иллюстрирующие его взгляды по этим вопросам. «Душа есть сотворённая сущность, сущность живая, разумная» [9, с. 174]. Душа не есть «что-либо постигаемое чувством: ни цвет, ни очертание, ни упорство, ни протяжение по трём измерениям, ни местное положение, и вообще не иное что-либо усматриваемое в веществе, если в нём есть что-нибудь иное, кроме исчисленного» [9, с. 182].

Но если разумность — есть существенная черта духа, то как можно объяснить неразумность младенцев? Ответ на этот вопрос святитель Григорий разрешает в учении о взаимодействии духа и тела.

Всё величие человека святитель Григорий полагал именно в создании человека по образу и подобию Бога. Чтобы понять, в чём видел Григорий Нисский выражение этой боговдохновенной истины в естестве человеческом, для начала нам нужно определить, что, по его мнению, есть образ и подобие как таковые.

Образ может называться образом, по мысли святителя Григория, «если он подобен первообразу; если же подражание далеко от предложенного, то оно что-нибудь иное, а не образ того, чему подражает» [5, с. 381]. В этом определении сливаются понятия образа и подобия, но святитель их точно разграничивал.

Образ есть подобие, в смысле обозначения этими терминами сходства или соответствия, но «подобие» в собственном своём смысле означает процесс уподобления, как говорит Григорий Нисский, «точное подобие Божие состоит именно в том, чтобы душа наша сколько-нибудь уподоблялась Высочайшему Существо» [7, с. 222]. Отсюда, «образ» есть понятие статичное, он принадлежит всей человеческой природе, «по образу сотворен человек — эта всецелая природа, это богоподобная тварь» [3, с. 387]. «Подобие»

же — динамическое понятие, оно приобретает и не принадлежит всему человечеству, но только тем индивидам, которые его приобрели.

Для антропологии Григория Нисского характерна высокая оценка достоинства и величия человека как образа Божия и как царя и правителя мира [9], при этом на человеке лежит и высокая ответственность за мир. Будучи связующим звеном между духовным и телесным мирами, человек стал своего рода проводником благодати для всего сущего, и поэтому последствия действий человека отображаются не только в нём самом, но и во всей Вселенной. Действия человека обусловлены его свободным выбором, волевым устремлением, как действием богоподобного и потому свободного и самовластного духа, могущего действовать только посредством тела при посредничестве души.

Следуя античной традиции, Григорий рассматривал человеческую волю как присущую духу способность стремления, но направляемую и контролируруемую разумом. По его мнению, свободная воля находится на границе между добром и злом, пороком и добродетелью и тем самым способна склоняться в ту или другую сторону, хотя в человеческую природу естественно заложена склонность к добру. Святитель настаивал на радикальной изменчивости человеческого духа, который способен по своему произволению бесконечно изменяться в лучшую или худшую сторону.

Антропология Григория Нисского в соотнесении с принципами постнеклассической картины мира

Выделив основные тезисы постнеклассической антропологии, а именно: незавершённость и продолжавшееся становление человеческой сущности, зависимость сознательного (разума) от бессознательного, а также основные идеи постнеклассического мировоззрения (взаимовлияние (синергизм), эволюционизм, нелинейность и учёт нравственных категорий), сопоставим их с антропологическими воззрениями Григория Нисского.

Тезису о незавершённости человеческой сущности соответствует утверждение святителя о том, что сущность человека определяется наличием в ней образа и подобия Божия, и если образ есть заданная константа, то подобие — уподобление, процесс постоянный и завершающийся только в эсхатологической перспективе. При этом ввиду свободы (как черты образа) человека его путь может быть направ-

лен в обе стороны, как по пути нравственного восхождения, так и по пути падения.

Зависимость сознательного от подсознательного в системе святителя Григория можно усмотреть в принципиальном устройстве сущности человека. Человек есть единство духа, души и тела, при этом разум — это атрибут духа, в то время как эмоции — это атрибут души, но душа, как посредница, влияет на разум. Поэтому человек как цельнокупное единство различных по сущности частей не может действовать только на основе разума, и кажущаяся неразумность отдельных его действий обусловлена устремлениями души и тела, имеющими свои объективные потребности.

При этом единство в человеке духа, души и тела (идеального и материального) и его начальственное положение в мире делают человека соединяющим звеном между землей и Небом. Соединяя всё в себе, человек несёт ответственность за всё, и последствия его действий неминуемо отображаются на всём Мире. При этом свобода человека реализуется и в его свободном нравственном выборе.

Заключение

Согласно антропологическим представлениям Григория Нисского, человек олицетворяет собой сложное трёхсоставное единство тела, души и духа. Эта формула не просто констатирует сущность человека, но содержит идею проекта человека: человек не дан, он задан.

Данная модель человека представляет иллюстрацию того, как нравственные выборы человека устанавливают определённые онтологические конфигурации. Свобода, которой обладает человек согласно своему антропологическому статусу, — это свобода выбора не просто поступка, жизненного пути, но свобода выбора своей сущности.

Именно христианское антропологическое учение, учитывающее динамичную и переменчивую природу человека, его главенствующую роль в мире и положение связующего звена между всем, что в мире материальном и в мире духовном существует, может быть всецело соотнесено с основными идеями постнеклассического мировоззрения и стать основой детальной проработки новой философской антропологии.

Литература

1. Гуревич П.С. Идея антропологизации философского знания // Философская школа. — 2019. — № 8. — С. 48–54. [Gurevich PS. The idea of anthropologization of philosophical knowledge. *Filosofskaya schkola*. 2019;(8):48–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2541-7673-2019-10817>.
2. Зеньковский В.В. Об образе Божиим в человеке // Вопросы философии. — 2003. — № 12. — С. 147–161. [Zenkovsky VV. On God image in person. *Voprosy filosofii*. 2003;(12):147–161. (In Russ.)]
3. Кохановский В.П., Тилинина Т.В. Методология современного естествознания // Научная мысль Кавказа. — 1997. — № 4. — С. 17–25. [Kohanovskiy VP, Tilina TV. Methodology of modern natural science. *Nauchnaya mysl Kavkaza*. 1997;(4):17–24 (In Russ.)]
4. Лурье В.М. Послесловие // Нисский Григорий. Об устройении человека. — СПб.: Аксиома, 1995. — С. 145–174. [Lur'e V.M. Posleslovie // Nisskij Grigorij. Ob ustroenii cheloveka. Saint Peterburg: Aksioma; 1995:145–174. (In Russ.)]
5. Несмелов В.И. Догматическая система Григория Нисского. — СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. — 635 с. [Nesmelov VI. Dogmaticheskaya sistema Grigoriya Nisskogo. Saint Peterburg: Centr izucheniya, ohrany i restavratsii naslediya svyashchennika Pavla Florenskogo; 2000. 635 p. (In Russ.)]
6. Резник Ю.М. Антропологический манифест С.А. Смирнова (рефлексивные заметки) // Человечество. — 2018. — № 13. — С. 165–175. [Reznik YuM. Anthropological manifestum by S.F. Smirnov (reflective notes). *Chelovek.RU*. 2018;(13):165–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.32691/2410-0935-2018-13-165-175>.
7. Святитель Григорий Нисский. Избранные творения / сост. диакон А. Гумеров. — М.: Сретенский монастырь, 2007. — 383 с. [Gregory of Nyssa. Selected Creations. Sost. deacon A. Gumerov. Moscow: Sreten'skiy monastery; 2007. 383 p. (In Russ.)]
8. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: учеб. пособие. — М.: Контакт, 1995. — 384 с. [Stepin VS, Gorokhov VG, Rozov MA. Filosofiya nauki i tekhniki. Ucheb. posobie. Moscow: Contact; 1995. 384 p. (In Russ.)]
9. Тихомиров Д.И. Св. Григорий Нисский, как моралист. Этико-историческое исследование. — Могилев на Днепре: Ш. Фридланд, 1888. — 386 с. [Tihomirov DI. Grigorij Nisskij, kak moralist. Etiko-istoricheskoe issledovanie — Mogilev na Dnepre: Sh. Fridland; 1886. 386 p. (In Russ.)]
10. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; под ред. Ю.Н. Попова. — М.: Прогресс, 1988. — С. 31–95. [Scheler M. Polozhenie cheloveka v Kosmose. In: Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: Perevody. Sost. i poslesl. P.S. Gurevich; Ed. by Yu.N. Popov. Moscow: Progress; 1988:31–95. (In Russ.)]
11. Юнг К.Г. Синхронистичность: акаузальный связующий принцип // Синхронистичность: сборник. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. — С. 194–307. [Jung CG. Sinhronistichnost': akauzal'nyj svyazuyushchij princip. In: Sinhronistichnost': sbornik. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler; 1997:194–307. (In Russ.)]

▪ **Информация об авторе**

Евгений Николаевич Суровцев — очный аспирант кафедры лучевой диагностики и лучевой терапии. ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России, Самара; заведующий кабинетом МРТ, врач-рентгенолог. ООО «Лечебно-диагностический центр Международного института биологических систем имени Сергея Березина — Тольятти», Тольятти; ассистент кафедры теологии, философии и истории. АНО ВО «Поволжский православный институт имени Святителя Алексия, митрополита Московского», Тольятти. E-mail: evgeniisurovcev@mail.ru.

Юлия Сергеевна Пышкина — кандидат медицинских наук, доцент кафедры лучевой диагностики и лучевой терапии. ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России, Самара. E-mail: yu.pyshkina@yandex.ru.

▪ **Information about the author**

Evgeny N. Surovtsev — Postgraduate student of the Radiology Department. Samara State Medical University, Samara, Russia; Head of the MRI room, radiologist. Medical Institute named after Berezin Sergey – Tolyatti, Tolyatti, Russia; Assistant of the Department of Theology, Philosophy and History. Volga Orthodox Institute, Togliatti, Russia. E-mail: evgeniisurovcev@mail.ru.

Yuliya S. Pyshkina — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Radiology Department. Samara State Medical University, Samara, Russia. E-mail: yu.pyshkina@yandex.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

В «Аспирантский вестник Поволжья» принимаются статьи и сообщения по наиболее значимым вопросам научной и научно-практической, учебной и учебно-методической, лечебно-профилактической и клинической работы в области медицины, а также итоги научных исследований, библиографические обзоры, рецензии, обзоры научных конференций в области философских наук.

НАСТОЯЩИЕ ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЯВЛЯЮТСЯ ИЗДАТЕЛЬСКИМ ДОГОВОРОМ

Условия настоящего Договора (далее — Договор) являются публичной офертой в соответствии с п. 2 ст. 437 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данный Договор определяет взаимоотношения между редакцией журнала «Аспирантский вестник Поволжья» (далее по тексту — Журнал), зарегистрированного Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-13193 от 10.07.2002), именуемой в дальнейшем Редакция, и автором и (или) авторским коллективом (или иным правообладателем), именуемым в дальнейшем Автор, принявшим публичное предложение (оферту) о заключении Договора. Автор передаёт Редакции для издания авторский оригинал, или рукопись. Указанный авторский оригинал должен соответствовать требованиям, указанным в разделе «Оформление рукописи».

При рассмотрении полученных авторских материалов Журнал руководствуется «Рекомендациями к рукописям, представляемым в биомедицинские журналы» (<http://www.icmje.org/recommendations/>).

В Журнале печатаются ранее не опубликованные работы по профилю Журнала. Множественные и дублирующие публикации (публикации статьи, материалы которой во многом совпадают с уже однажды опубликованными) не допускаются. Не принимаются к печати статьи, в которых представлены результаты исследований, выполненные с нарушением Правил и норм гуманного обращения с биообъектами исследований.

Размещение публикаций возможно только после получения положительной рецензии.

Статьи аспирантов и докторантов публикуются бесплатно.

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Редакция отбирает, готовит к публикации и публикует переданные Авторами материалы. Авторское право на конкретную статью принадлежит авторам статьи.

Авторский гонорар за публикации статей в Журнале не выплачивается. Автор передаёт, а Редакция принимает авторские материалы на следующих условиях:

1) Редакции передаётся право на оформление, издание, передачу Журнала с опубликованным материалом Автора для целей реферирования статей из него в Реферативном журнале ВИНТИ, РИНЦ и базах данных, распространение Журнала / авторских материалов в печатных и электронных изданиях, включая размещение на выбранных либо созданных Редакцией сайтах в сети Интернет в целях доступа к публикации в интерактивном режиме любого заинтересованного лица из любого места и в любое время, а также на распространение Журнала с опубликованным материалом Автора по подписке;

2) территория, на которой разрешается использовать авторский материал, — Российская Федерация и сеть Интернет;

3) срок действия Договора — 5 лет. По истечении указанного срока Редакция оставляет за собой, а Автор подтверждает бессрочное право Редакции на продолжение размещения авторского материала в сети Интернет;

4) Редакция вправе по своему усмотрению без каких-либо согласований с Автором заключать договоры и соглашения с третьими лицами, направленные на дополнительные меры по защите авторских и издательских прав;

5) Автор гарантирует, что использование Редакцией предоставленного им по настоящему Договору авторского материала не нарушит прав третьих лиц;

6) Автор оставляет за собой право использовать предоставленный по настоящему Договору авторский материал самостоятельно, передавать права на него по договору третьим лицам, если это не противоречит настоящему Договору;

7) Редакция предоставляет Автору возможность безвозмездного получения одного авторского экземпляра из вышедшего тиража печатного издания с публикацией материалов Автора или получения справки с электронны-

ми адресами его официальной публикации в сети Интернет;

8) при перепечатке статьи или её части ссылка на первую публикацию в Журнале обязательна;

9) Редакция вправе издавать Журнал любым тиражом.

ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА И ИЗМЕНЕНИЯ ЕГО УСЛОВИЙ

Заключением Договора со стороны Редакции является опубликование рукописи данного Автора в журнале «Аспирантский вестник Поволжья» и размещение его текста в сети Интернет. Заключением Договора со стороны Автора, то есть полным и безоговорочным принятием Автором условий Договора, является передача Автором рукописи и экспертного заключения.

ОФОРМЛЕНИЕ РУКОПИСИ

При направлении статьи в редакцию рекомендуется руководствоваться следующими правилами, составленными с учётом «Единых требований к рукописям, предоставляемым в биомедицинские журналы» (Uniform Requirements for Manuscripts Submitted to Biomedical Journals), разработанных Международным комитетом редакторов медицинских журналов (International Committee of Medical Journal Editors).

1. Рукопись. Направляется в редакцию в электронном варианте. Файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf).

1. Объём полного текста рукописи (оригинальные исследования, лекции, обзоры), в том числе таблицы и список литературы, не должен превышать 10 000 слов. Объём статей, посвящённых описанию клинических случаев, не более 7000 слов; краткие сообщения и письма в редакцию — в пределах 2000 слов.

2. Формат текста рукописи. Текст должен быть напечатан шрифтом Times New Roman, иметь размер 12 pt и межстрочный интервал 1,5 pt. Отступы с каждой стороны страницы 2 см. Текст можно выделять ТОЛЬКО курсивом или полужирным начертанием букв, но НЕ подчёркиванием. Из текста необходимо удалить все повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк (в автоматическом режиме через сервис Microsoft Word «найти и заменить»).

3. Файл с текстом статьи должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

II. Структура рукописи должна соответствовать приведенному ниже шаблону (в зависимости от типа работы).

1. Русскоязычные метаданные

• Название статьи.

• **Авторы.** При написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров).

• **Учреждения.** Необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую необходимо написать название города, страны. Если в написании рукописи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо соотнести названия учреждений и Ф.И.О. авторов путём добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после фамилий соответствующих авторов.

• **Резюме статьи** должно быть (если работа оригинальная) структурированным: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение. Резюме должно полностью соответствовать содержанию работы. Объём текста резюме должен быть в пределах 100–300 слов.

• **Ключевые слова.** Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

2. Англоязычные метаданные

• **Article title.** Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

• **Author names.** Ф.И.О. необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BGN/PCGN (см. ниже).

• **Affiliation.** Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ (<https://elibrary.ru/orgs.asp>).

• **Abstract.** Англоязычная версия резюме статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка.

- **Keywords.** Для выбора ключевых слов на английском языке следует использовать тезаурус Национальной медицинской библиотеки США — Medical Subject Headings (MeSH).

3. Полный текст (на русском, английском или обоих языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвящённой описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы или заключение.

4. Дополнительная информация (на русском, английском или обоих языках)

Информация о конфликте интересов. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. Конфликтом интересов может считаться любая ситуация (финансовые отношения, служба или работа в учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности и др.), способная повлиять на автора рукописи и привести к сокрытию, искажению данных или изменить их трактовку. Наличие конфликта интересов у одного или нескольких авторов НЕ является поводом для отказа в публикации статьи. Выявленное редакцией сокрытие потенциальных и явных конфликтов интересов со стороны авторов может стать причиной отказа в рассмотрении и публикации рукописи.

Информация о финансировании. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.). Указывать размер финансирования не требуется.

Благодарности. Авторы могут выразить благодарность людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

Информация о вкладе каждого автора (и лиц, указанных в разделе «Благодарности»). Пример:

Авторы выносят благодарность (И.О. Фа-милия) за оформление иллюстраций.

5. Список литературы

• **Оформление списка литературы** должно удовлетворять требованиям РИНЦ и международных баз данных. В связи с этим в ссылках на русскоязычные источники необходимо дополнительно указывать информацию для цитирования на латинице. Таким образом:

— англоязычные источники следует оформлять в формате Vancouver в версии

AMA (AMA style, <http://www.amamanualofstyle.com>) — подробно на странице «Оформление библиографии»;

— русскоязычные источники необходимо оформлять в соответствии с правилами ГОСТ Р 7.0.5-2008; после указания ссылки на первоисточник на русском языке в квадратных скобках должно быть указано описание этого источника на латинице.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ (АНГЛОЯЗЫЧНОЙ) ЧАСТИ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ НЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ (В РОМАНСКОМ АЛФАВИТЕ)

Если статья написана на латинице (на английском, немецком, финском, датском, итальянском и т. д.), она должна быть процитирована в оригинальном виде:

- Ellingsen AE, Wilhelmson I. Sykdomsangst blant medisiner- og jusstudenter. *Tidsskr Nor Laegeforen.* 2002;122(8):785–787. (In Norwegian).

Если статья написана НЕ на латинице — на кириллице (в том числе на русском), иероглифами и т. д., если у статьи есть ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД НАЗВАНИЯ, его нужно вставить в квадратных скобках после оригинального написания библиографической ссылки на источник. Проще всего проверить наличие официального перевода названия статьи можно, отыскав статью на eLibrary.ru. Например:

- Григорян О.Р., Шереметьева Е.В., Андреева Е.Н., Дедов И.И. Планирование беременности у женщин с сахарным диабетом // Вестник репродуктивного здоровья. – 2011. – № 1. – С. 23–31. [Grigoryan OR, Sheremeteva EV, Andreeva EN, Dedov II. Planning of pregnancy in women with diabetes. *Vestnik reproduktivnogo zdorov'ya.* 2011;(1):23–31. (In Russ.)]

Если у статьи нет ОФИЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА, то нужно ПРИВЕСТИ ТРАНСЛИТЕРАЦИЮ всей ссылки в квадратных скобках сразу после правильно оформленной ссылки в оригинальном написании. Англоязычная часть библиографического описания ссылки на русскоязычный источник должна находиться непосредственно после русскоязычной части в квадратных скобках ([...]).

Фамилии и инициалы всех авторов на латинице и название статьи на английском языке следует приводить так, как они даны в оригинальной публикации. Транслитерацию следует приводить в стандарте BGN (автоматически транслитерация в стандарте BGN производится на странице <https://translit.net/ru/bgn/>) с сохранением стилового оформления русскоязычного источника. Далее следует транслитерированное название русскоязычного

журнала в стандарте BGN, далее — выходные данные: год;том(номер):страницы.

В самом конце англоязычной части библиографического описания в круглые скобки помещают указание на исходный язык публикации, например: (In Russ.). В конце библиографического описания (за квадратной скобкой) помещают doi статьи, если таковой имеется. Проверять наличие doi у статьи следует на сайтах <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Например:

- Алексеев Л.П., Дедов И.И., Хаитов Р.М., и др. Иммуногенетика сахарного диабета 1-го типа — от фундаментальных исследований к клинике // Вестник Российской академии медицинских наук. — 2012. — Т. 67. — № 1. — С. 75. [Alekseev LP, Dedov II, Khaitov RM, et al. Immunogenetika sakharnogo diabeta 1-go tipa — ot fundamental'nykh issledovaniy k klinike. *Vestnik Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk*. 2012;67(1):75. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.15690/vramn.v67i1.114>.

Примеры правильного оформления ссылок в списках литературы.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ

Обычная журнальная ссылка (есть переводной вариант названия)

- Шестакова М.В., Сухарева О.И. Расширение группы препаратов, основанных на действии инкретинов: новый ингибитор ДПП-4 саксаглиптин // Проблемы эндокринологии. — 2010. — Т. 56. — № 5. — С. 52–60. [Shestakova MV, Sukhareva OI. Extension of the group of incretin-targeted preparations: Saxagliptin — a new dipeptidyl peptidase-4 inhibitor. *Problems of Endocrinology*. 2010;56(5):52–60. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.14341/probl201056552-60>.

- Halpern SD, Ubel PA, Caplan AL. Solid-organ transplantation in HIV-infected patients. *N Engl J Med*. 2002;347(4):284–287. <https://doi.org/10.1056/nejmsb020632>.

Обычная журнальная ссылка (перевод названия нет)

- Сунцов Ю.И., Дедов И.И., Кудрякова С.В. Государственный регистр сахарного диабета: эпидемиологическая характеристика инсулиннезависимого сахарного диабета // Сахарный диабет. — 1998. — Т. 1. — № 1. — С. 41–43. [Sunstov YuI, Dedov II, Kudryakova SV. Gosudarstvennyy registr sakharnogo diabeta: epidemiologicheskaya kharakteristika insulinezavisimogo sakharnogo diabeta. *Diabetes mellitus*. 1998;1(1):41–43. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.14341/2072-0351-6215>.

КНИГИ И МОНОГРАФИИ

У книги один или несколько авторов

- Гиляревский С.Р. Миокардиты: современные подходы к диагностике и лечению. — М.:

Медиа Сфера, 2008. [Gilyarevskii SR. Miokardity: sovremennye podkhody k diagnostike i lecheniyu. Moscow: Media Sfera; 2008. (In Russ.)]

- Murray PR, Rosenthal KS, Kobayashi GS, Pfaller MA. *Medical microbiology*. 4th ed. St. Louis: Mosby; 2002.

- Ringsven MK, Bond D. *Gerontology and leadership skills for nurses*. 2nd ed. Albany (NY): Delmar Publishers; 1996.

У книги один или несколько редакторов

- Инфекции, передаваемые половым путём / Под ред. В.А. Аковбяна, В.И. Прохоренкова, Е.В. Соколовского. — М.: Медиа Сфера, 2007. [Infektsii, peredavaemye polovym putem. Ed. by V.A. Akovbyan, V.I. Prokhorenkov, E.V. Sokolovskiy. Moscow: Media Sfera; 2007. (In Russ.)]

- *Operative obstetrics*. 2nd ed. Ed. by L.C. Gilstrap, F.G. Cunningham, J.P. VanDorsten. New York: McGraw-Hill; 2002.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

- Пархоменко А.А., Дейханова В.М. Оказание медицинской помощи больным, перенесшим инфаркт головного мозга, на амбулаторно-поликлиническом этапе // Всероссийская научно-практическая конференция «Пути развития первичной медико-санитарной помощи»; Ноябрь 13–14, 2014; Саратов. [Parkhomenko AA, Deikhanova VM. Okazanie meditsinskoi pomoshchi bol'nym, perenesshim infarkt golovnogo mozga, na ambulatorno-poliklinicheskom etape. (Conference proceedings) Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Puti razvitiya pervichnoi mediko-sanitarnoi pomoshchi"; 2014 nov 13-14; Saratov. (In Russ.)]. Доступно по: <http://medconfer.com/node/4128>. Ссылка активна на 12.12.2014.

- Germ cell tumours V. Proceedings of the 5th Germ Cell Tumour Conference; 2001 Sep 13-15; Leeds, UK. Ed. by P. Harnden, J.K. Joffe, W.G. Jones. New York: Springer; 2002.

ТЕЗИСЫ В МАТЕРИАЛАХ КОНФЕРЕНЦИИ

- Christensen S, Oppacher F. An analysis of Koza's computational effort statistic for genetic programming. In: Genetic programming. EuroGP 2002: Proceedings of the 5th European Conference on Genetic Programming; 2002 Apr 3-5; Kinsdale, Ireland. Ed. by J.A. Foster, E. Lutton, J. Miller, et al. Berlin: Springer; 2002. P. 182-91.

ДИССЕРТАЦИИ

- Бузаев И.В. Прогнозирование изменений центральной гемодинамики и выбор метода пластики левого желудочка при хронических аневризмах сердца: Дис. ... канд. мед. наук. — Новосибирск, 2006. [Buzaev IV. Prognozirovaniye izmenenii tsentral'noi gemodinamiki i vybor metoda plastiki levogo zheludochka pri khronicheskikh anevrizmakh serdtsa. [dissertation] Novosibirsk; 2006. (In Russ.)]. Доступно

по: <http://www.buzaev.ru/downloads/disser.pdf>. Ссылка активна на 12.12.2014.

- Borkowski MM. Infant sleep and feeding: a telephone survey of Hispanic Americans. [dissertation] Mount Pleasant (MI): Central Michigan University; 2002.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВИЛЬНОСТЬ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ НЕСЕТ АВТОР.

III. Английский язык и транслитерация.

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BGN/PCGN (United States Board on Geographic Names / Permanent Committee on Geographical Names for British Official Use), рекомендованный международным издательством Oxford University Press, как British Standard. Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BGN можно воспользоваться ссылкой <https://translit.net/ru/bgn/>.

IV. Таблицы следует помещать в текст статьи, они должны иметь нумерованный заголовок и четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны. Таблицы должны иметь заглавие на русском и английском языках.

V. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объём графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещён в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Рисунки должны иметь заглавие на русском и английском языках. Надписи на рисунках также должны быть продублированы на английском языке.

VI. Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие нерисованные иллюстрации необходимо предоставить в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif, *.tif (*.doc и *.docx — в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть >300 dpi. Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

VII. Сокращения. Все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам с указанием на использованные статистические критерии (методы)

и показатели точности оценки (стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего и пр.). Статистическую значимость различий данных, представленных в таблицах, рекомендуется обозначать надстрочными символами *, **, #, ##, †, ††, ‡, ‡‡ и т. п.

VIII. Соответствие нормам этики. Для публикации результатов оригинальной работы необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие. В случае проведения исследований с участием животных — соответствовал ли протокол исследования этическим принципам и нормам проведения биомедицинских исследований с участием животных. В обоих случаях необходимо указать, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, её расположения, номера протокола и даты заседания комитета).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Рецензирование рукописей статей, поступающих в редакцию журнала «Аспирантский вестник Поволжья», осуществляется с целью отбора наиболее актуальных и перспективных научных работ, результатов диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, отражающих современное развитие научных отраслей. Рецензированию подлежат все рукописи, поступающие в редакцию журнала «Аспирантский вестник Поволжья». Заместитель главного редактора или ответственный секретарь направляют рукопись на рецензирование членам редакционной коллегии, которые являются признанными специалистами в соответствующей области знаний и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых статей. Рецензенты в срок от 2 до 4 недель проводят экспертизу рукописи и направляют в редакцию журнала (по почте, e-mail) рецензию.

При экспертизе специалист даёт оценку структуре, содержанию рукописи, обращая внимание на актуальность, научную новизну, практическую значимость научного исследования, грамотность изложения материала, достоверность полученных результатов, обоснованность выводов, характер иллюстративного материала, стиль текста, оформление списка литературы. Текст рецензии заканчивается рекомендацией рукописи к опубликованию в соответствующем разделе. При наличии замечаний, рукопись возвращается редакцией автору на доработку, после чего отправляется на повторное рецензирование.

После получения рецензии редакцией журнала принимается решение об опубликовании, о возвращении рукописи автору на доработку либо об отказе в публикации. На основе принятого решения автору (авторам) направляется информационное письмо и копия рецензии. Если статья нуждается в доработке, с учётом замечаний рецензента, то в письме даются рекомендации по доработке. Мотивированный отказ в публикации по результатам рецензирования направляется авторам по электронной почте.

Статья, направленная автором (авторами) в редакцию после доработки, рассматривается в общем порядке. В случаях, если автор статьи не согласен с замечаниями рецензентов, возможно привлечение независимых экспертов из числа ведущих научных сотрудников в соответствующей области знаний для проведения повторного рецензирования статьи.

Рецензирование рукописи статей проводится членами редакционной коллегии журнала на общественных началах.

Датой поступления статьи считается дата получения Редакцией первого варианта статьи. Датой одобрения статьи является

дата получения статьи после устранения замечаний рецензента. Датой принятия статьи к печати считается дата одобрения её членами редакционной коллегии. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи (литературная и техническая правка).

АВТОРСКИЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ЖУРНАЛА

Редакция обязуется выдать Автору 1 экземпляр Журнала с опубликованной рукописью. Авторы, проживающие в Самаре, получают авторский экземпляр Журнала непосредственно в Редакции. Иногородним Авторам авторский экземпляр Журнала высылается на адрес автора, ответственного за переписку.

ИНФОРМАЦИЯ

Адрес редакции: 443099, Россия, г. Самара, ул. Чапаевская, 89. Тел.: +7(846)333-30-86. E-mail: aspvestnik@list.ru, aspirantura_samgmu@mail.ru.

Архив журнала «Аспирантский вестник Поволжья» в сети Интернет: www.aspvestnik.com.